НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ЧИСТОСЕРДЕЧНОЕ УБИЙСТВО

Николай Иванович Леонов
Алексей Викторович Макеев

Чистосердечное убийство (сборник)

Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706575
Леонов Н. И. Чистосердечное убийство : Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71814-6

Аннотация

Подполковника Льва Гурова отправляют в Самару для плановой инспекции местных правоохранительных органов. В день его приезда в области происходит убийство главы одного из районов. Предполагаемого убийцу задерживают на месте преступления. Им оказывается майор местной полиции Александр Ершов. Гуров сильно сомневается в виновности майора и берет расследование этого громкого дела в свои руки. Уже через несколько дней он составляет список подозреваемых. Первой в этом списке стоит фамилия генерального директора компании «Альтернатива», бизнес которого глава района планировал в ближайшем будущем прикрыть…

Содержание

Чистосердечное убийство 5
Глава 1 5
Глава 2 29
Глава 3 57
Глава 4 83
Глава 5 114
Глава 6 141
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Николай Леонов, Алексей Макеев Чистосердечное убийство (сборник)

© Леонова О.М., 2014
© Макеев А., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Чистосердечное убийство

Глава 1

Прохиндеем Корнейчука звали все. В Лыкове не было ни единого человека, который не знал бы этого субъекта. Когда-то в поселке был военный городок, который все называли летным, но большой авиацией в этих местах и не пахло. Здесь находились склады, базировалась вертолетная эскадрилья, занимавшаяся доставкой всякой всячины в летные части округа.

Какой же военный склад без прапорщиков! Уж кого-кого, а этих ушлых деляг знает вся округа. Так было во все времена, при любом общественном строе. Менялись армии, знамена и наименования воинских званий. Потом военный городок был ликвидирован, но суть прапорщика Корнейчука осталась прежней, незамысловатой: где что можно достать и с какой выгодой сбыть.

Самым доходным делом оказалась продажа цветных металлов. Тот, кто решит, что бывший прапорщик Корнейчук начал собирать металлолом и сдавать его перекупщикам, совсем не знает таких вот людей. Корнейчук умел считать свои доходы, как фактические, так и потенциальные. Кормить перекупщиков он не намеревался. Бизнесмен сперва набивал

свой гараж металлоломом и только потом связывался со своими знакомыми во «Вторцветмете», которые присылали машину. Корнейчук сам ехал на весовую, следил, чтобы добро принято было без обмана, по фактическому весу, и получал деньги. В руки.

Ангары в пяти километрах от Лыкова давно привлекали внимание Корнейчука. Стояли они среди лесочков и кустарника, которым поросли мелкие балки. В том, что там можно найти цветной металл, Корнейчук не сомневался. Он нутром чуял прибыль, но не стал расспрашивать местных мужиков и наводить справки каким-то иным способом. Незачем светиться раньше времени и наводить конкурентов на мысль о том, что там можно чем-то поживиться.

Корнейчук выбрал ночь потемнее и отправился за город на своем старом «Урале», к которому давно уже вместо стандартной люльки приделал вместительный ящик для груза. Проехав по грунтовой дороге около пяти километров, он выключил фару и двинулся дальше тихо, на малых оборотах. Зрение у Корнейчука было отменным, хотя ему и перевалило за пятьдесят. Тем более что видел он не столько дорогу под колесами, сколько чистую прибыль. Она была близка.

Остановившись в низинке под низко свисавшими ветвями ивы, Корнейчук заглушил мотор и долго сидел, прислушиваясь. Ночь была хороша. Ни луны, ни звезд. Только громады двух ангаров впереди, шелест крыльев какой-то ночной птицы в кустах, легкий ветерок. Весна в этом году была ранняя.

В полях снег сошел за одну неделю, и дороги под апрельским солнцем мгновенно высохли.

Корнейчук слез с мотоцикла, проверил, не выронил ли из кармана пассатижи, и двинулся через поле. Несколько раз он попадал ногами в кротовины и чертыхался, но делал это тихо, просто для порядка. Ведь эти мелкие препятствия не особенно мешали его хозяйственной деятельности.

Вот и стена крайнего ангара. Здесь стали слышны звуки работающих генераторов.

«Интересно! – думал Корнейчук. – Для чего там крутые пашут дизели, если практически не видно, чтобы кто-то работал, горел свет, шевелилось и жило какое-то производство? Может, эти ангары используют просто как склады?».

Это хорошо знакомое, практические родное слово «склады» отозвалось внутри теплым, приятным томлением.

Вот, наконец-то. Щель между двумя листами гофрированного металла была не очень широка, но вполне подходила для того, чтобы заглянуть внутрь. Корнейчук приник к ней глазом, но ничего не увидел. Что-то мешало изнутри. Нужно подняться повыше. Он осмотрелся. Обрезок бревна вполне подходил. Его можно было установить у стены.

Корнейчук настолько увлекся этим, что совсем забыл оглядываться по сторонам и прислушиваться. Здравый смысл и природная хитрость на сей раз подвели его. Они подсказывали, что смотреть в щелку не преступление, это еще не кража. Вот когда ты полезешь внутрь, начнешь кусать

и резать металл, тогда нужно проявлять чутье.

– Эй, кто здесь? – раздался мужской голос откуда-то слева, и Корнейчук присел на месте.

Пока этот человек в темноте не увидел его, есть шанс убежать, исчезнуть. Если это охрана, то лучше, чтобы она не заподозрила, что кто-то целится проникнуть на объект. Вот ведь незадача! Сколько раз Корнейчук проезжал мимо днем и ни разу не видел признаков охраны. Наверное, она выставляется здесь только ночью. Значит, надо уходить и все продумать еще раз. Может, стоит наведаться сюда днем?

– Эй, мужик! – Совсем рядом с бывшим прапорщиком появилась темная фигура.

Корнейчук попятился. Он помнил, что за его спиной была какая-то яма. У этого типа наверняка нет фонаря, иначе он обязательно посветил бы. Не стесняясь самого себя и не чувствуя унижения, Корнейчук встал на четвереньки и снова стал пятиться. Вот она, родимая. Он присел на корточки и стал ждать.

Совсем рядом чиркнула зажигалка. Огонек на короткий миг осветил лицо человека. Теперь уже два голоса тихо совещались о чем-то. Потом они затихли.

Корнейчук решил, что самое время уносить ноги, пока не заволновалась вся охрана. Эх, какой объект! Если здесь есть что сторожить, то найдется и чем поживиться. Кабели, электромоторы с медной обмоткой, алюминий!.. Надо прийти сюда днем да осмотреться как следует.

– Стой! – Теперь уже крик прозвучал очень близко. – Эй, мужик!

Корнейчук так перетрусил, что, не помня себя, бросился бежать. Ноги почему-то не слушались, все время попадали на какие-то неровности, цеплялись за густую траву.

«Сердечко уже не то. Плохо идет кровоснабжение мышц, – думал Корнейчук и косолапо бежал к приметной балочке, где стоял его мотоцикл. – Вон и ива в темноте чернеет. Только добежать! Взревет мотор, и дам деру отсюда. Пусть думают, кто это наведывался».

– Стой, мужик! – раздался вдруг голос. – Придурок, чего боишься?

Корнейчук, судорожно дыша, сбавил шаг и стал озираться в темноте как затравленный заяц. Человек появился из ниоткуда. Широкое лицо, бычья шея и глаза, очень нехорошие, маленькие, которые в темноте блеснули, как два уголька.

– Кто такой? Чего тут лазишь?

– Я это… – Корнейчук пятился назад. – Живот прихватило, вот и отошел в сторонку с дороги. – Совсем скрючило. Видать, вчера не то чего-то съел.

– Это бывает, – подходя совсем близко, сказал мужик. – Случается. Ты один, что ли?

Корнейчук теперь понял, почему этот охранник как-то странно крутил головой. Он пытался понять, сколько незваных гостей тут было. Бывшему прапорщику стало вдруг страшно.

– Слышь! – невнятным голосом, судорожно дыша, сказал Корнейчук. – Ты чего?..

– Я-то? – странным глухим голосом ответил мужчина. – Я ничего.

Он вдруг поднял руку и чем-то твердым ткнул в грудь Корнейчуку.

«Уж не электрошокер ли? – испуганно подумал бывший прапорщик. – Зачем это?».

Тут полыхнуло, ударило в грудь.

Корнейчук успел подумать, что электрошокер какой-то странный. Чересчур сильный звук от него, и боль какая-то тупая, глубокая, нестерпимая.

Полковник Гуров сидел на своем любимом диване в углу и с иронией наблюдал, как старый друг Крячко собирается в отпуск. Это же надо! Он за год натащил в кабинет сколько нужных и полезных вещей, что даже в отпуск спокойно уехать не может.

Гуров притворно нахмурился и наконец-то сказал:

– Знаешь, Станислав, я полагаю, что ты все это затеял исключительно с целью потрепать мне нервы.

– Чего я затеял? – рассеянно спросил Крячко, перебирая стопку визитных карточек.

– Ты мог бы прекрасно выспаться до самолета, потом сделать Москве ручкой и умотать на свой курорт. Так нет же, тебе надо снова заявиться в кабинет и битых полчаса демонстрировать мне, что ты уже в отпуске.

Крячко повернулся к Гурову, задумчиво почесал подбородок и заявил:

– Знаешь, Лев Иванович, ты с возрастом приобретаешь весьма своеобразное чувство юмора. Я ведь тебя тысячу лет знаю!..

– Скажи, что я старый зануда. – Гуров рассмеялся. – Говори-говори. Если честно, то я тебе завидую.

– Ясен перец. Я еду на юг, к морю, а ты остаешься… – Он не закончил фразу, так и не нашел подходящих эпитетов. – Хотя что я там буду делать в апреле?

– Прекрасно найдешь себе занятие, – убежденно заявил Гуров. – Сон до девяти утра, вкусный и калорийный завтрак, процедуры, проводимые нежными руками молоденьких медсестер, прогулки на морском воздухе, послеобеденный отдых без признаков беспокойства. Дальше перечислять?

– Теперь, наверное, ты упомянешь об одиноких грустных женщинах среднего возраста, которых необходимо утешать всеми доступными способами.

– Да, как-то так, – с довольным видом заключил Гуров.

– Теперь ты меня еще и бабником назвал! – заявил Крячко.

– Жизнелюбом, Станислав! Только так! – резюмировал Гуров и с сожалением оторвался от дивана. – Ладно, давай я тебя еще раз обниму и уйду. Меня Орлов лицезреть хочет в половине девятого.

Крячко встал со стула, виновато улыбнулся и обнял ста-

рого друга.

– Я всегда удивлялся, чего это мне так приятно обниматься с некоторыми мужиками, – буркнул он себе под нос.

– Но-но! – Гуров строго погрозил пальцем. – Ты еще не на курорте! Ладно, счастливо отдохнуть.

Сегодня генерал Орлов задержался у начальства, поэтому утренняя планерка была отменена. Вместо этой привычной процедуры Орлов вызывал к себе отдельных офицеров и руководителей подразделений, раздавал приказы и поручения и принимал быстрые, информативные отчеты.

«Увы! – в который уже раз подумал Гуров, усаживаясь в приемной и разглядывая огромную пальму в кадке. – У генералов жизнь еще труднее, чем у полковников. Вспомнить хотя бы себя молодым лейтенантом, амбициозным до крайности, с неимоверным сомнением и таким же самолюбием. Какие были мечты? Вырасти, стать таким сыщиком, чтобы на тебя с уважением посматривали твои товарищи. Чтобы по коридорам МУРа шелестел шепоток, когда ты по нему проходил. Дескать, вот тот самый Лев Гуров, знаменитый сыщик. Про Шерлока Холмса читали? Так он превзошел даже его».

Да, были времена. Если бы тогда кто-то спросил бы лейтенанта Гурова, хочет ли он стать генералом, то ответ был бы незамедлительным. А как же! А для чего же тогда все? Если не стремиться постоянно к самым вершинам, то нет смысла браться за дело.

А теперь Лев Иванович Гуров считал иначе. Генералы – это уже не сыщики, а начальники, если и не мальчики для битья, то уж законченные администраторы точно. Они погружены в планы, отчеты, цифры, графики, показатели и все такое прочее.

Правда, Гуров теперь тоже не особенно сыщик. Его обязанности зачастую заключаются в том, чтобы проверять, как работают отделения уголовного розыска в том или ином регионе огромной страны, оказать методическую помощь, разобраться в причинах какого-то негатива. Но ему довольно часто приходится и вспоминать прошлое и трясти стариной. Главк уголовного розыска – контора серьезная. Здесь расследуются очень важные и ответственные дела.

Прошло уже очень много лет с тех пор, когда Орлов перешел сюда из МУРа и перетащил Гурова с Крячко. Старому другу пришлось долго убеждать Льва Ивановича в том, что его опыт нужнее здесь, наверху. Хватит ему бегать по ночам с пистолетом и просиживать штаны в душных кабинетах, допрашивая бесконечную череду преступников, подозреваемых, свидетелей. Пора начать передавать свой опыт молодым оперативникам.

Гуров усмехнулся. Как будто ему теперь не приходится бегать по ночам с пистолетом и допрашивать. Все же хорошо, что работа главка не сводится только к «нормативно-правовому регулированию, обеспечению взаимодействия, координации и оказанию практической помощи».

Здесь служат самые опытные оперативники. Главк имеет право, даже обязан в особо сложных и опасных случаях брать руководство на себя. Он должен быть мозгом всего уголовного розыска страны, а не просто источником всяческих правил, норм и тому подобного.

Сколько уже было этих командировок по близким и далеким областям!..

Гуров встрепенулся, потому что увидел перед собой начищенные до блеска ботинки и низ брюк с лампасами.

– Мечтаешь? – осведомился Орлов, занеся руку с очками над Гуровым и как будто не решаясь их надеть. – Давай заходи, Лев Иванович. Вопрос у нас короткий.

Гуров заметил озабоченный вид Орлова, брови, сведенные у переносицы, желваки и вздохнул. Нет, он генералом становиться не желал. Гуров хотел оставаться сыщиком. Это ремесло он знал лучше любого другого.

Орлов пропустил Гурова вперед, закрыл входную дверь, обнял его за плечо и повел к столу для совещаний.

– Вот что, Лев! – усаживаясь на стул боком и терзая пятерней лоб, начал Орлов. – Давай-ка я тебя отправлю в командировочку.

– Какая-то странная тенденциозность, – пошутил Гуров. – Крячко в отпуск, меня в командировку. Заводишь любимчиков? Предупреждаю, это мой сотрудник. Мне его баловать и поощрять.

– Всегда? – не принял шутливого тона Орлов.

– Так! – посерьезнел Гуров. – Понял. Что, совсем заездили? Устал ты, Петр?

– Да, – кивнул Орлов. – Спасибо, что заметил. Тебе, Лев, лучше и не знать, что творится у нас наверху. Слышал про новую волну в высших кругах? Про необходимость новой реформы МВД?

– Слышал, – кивнул Гуров. – Только этим надо было заниматься еще двадцать лет назад, а не превращать все в клоунаду, как в прошлый раз. Так что случилось? Куда ты меня отправляешь?

– Съезди-ка ты в Самарскую область, Лев. Проведи плановую проверочку, разберись в причинах ухудшения показателей, составь нормальный, грамотный отчет. Все по полной программе, что я тебя учить буду.

– Подожди-ка, ведь в Самару должен был ехать…

– Помню, Лев, не забыл. – Орлов вдруг понизил голос. – Только лучше бы ты уехал, причем прямо сегодня. Что уставился? Да, правильно догадался. Я хочу выставить тебя из столицы на недельку. Опять ко мне лезут как тараканы эти!.. – Орлов ткнул пальцем в небо. – Ты же у нас легенда, чуть что, все ведь говорят, что Гурову поручите. Он разберется, найдет, все наизнанку вывернет. Только никто не хочет знать, что Гуров терпеть не может эту братию. Великий сыщик только из солидарности и любви, я надеюсь, к старому другу Орлову, изредка соглашается на такие дела, но потом этому же генералу мозг выносит.

– Опять у какого-то депутата сестру жены ограбили? – спросил Гуров с иронией.

– Хуже. Обвинения в причастности к криминалу. Я знаю, что там и близко ничего такого нет. Короче, ехал бы ты в Самару, делом бы занялся, а тут я найду кого-нибудь помоложе, кому связи заводить пора в верхних эшелонах власти.

– Понял. – Гуров поднялся, двинулся к выходу, у самой двери обернулся и сказал: – Спасибо тебе, Петр.

Орлов махнул рукой и пошел к своему рабочему столу, на ходу надевая очки.

В квартире царила удивительная тишина. Гуров стоял в прихожей с одним ботинком в руке и прислушивался. Странно, Маша была дома. У них в театре что-то случилось с новым спектаклем, в котором она была занята. Администрации пришлось ставить в репертуар другую пьесу. В результате Мария Строева, к своему огромному удовольствию, оказалась вне творческого процесса дней на восемь-десять. Гуров знал, что в последнее время Маша стала сильно уставать. Ей что-то не нравилось в новом спектакле. Работа над ним в труппе шла с большим скрипом.

Гуров позвонил жене из управления и рассчитывал, что на кухне сейчас поспевает всякая вкуснятина в связи с его неожиданной командировкой. А тут!.. Может, срочно в театр уехала? Нет, тогда Маша позвонила бы ему.

Жена выпорхнула из комнаты в очень ярком желтом халате, который Гуров называл цыплячьим. Вид у Маши ока-

зался совсем не грустным, каким ему полагалось быть перед командировкой мужа. Это было необычно.

– Слушайте, полковник! – поцеловав мужа в щеку, манерно произнесла Маша. – А не откажетесь ли вы взять с собой в попутчицы даму средних лет и весьма приятной наружности?

– В смысле? Куда?.. – не понял Гуров, разулся и снял пиджак. – В аэропорт? И охота тебе мотаться туда и обратно по такой погоде. Прекрасно доеду на такси.

– Полковник! – Маша вскинула брови, изображая искреннее сожаление по поводу недогадливости супруга. – Вы, право, несносны. Дама напрашивается в попутчицы до Самары, а за это предлагает…

Гуров взял жену за плечи и привлек к себе.

Нежно прикоснувшись губами к ее уху, он игриво произнес:

– Это уже интересно, даже заманчиво.

– Фу, полковник! – Маша вырвалась и сделала театральное негодующее движение плечом. – Вы несносны. Я предлагаю вам домашний стол и уют взамен гостиничного. – Наконец Маше надоела эта игра, она взяла Гуров за руку и потащила в комнату, где на столе стоял открытый ноутбук. – Ладно, расскажу. У меня в Самаре обнаружилась давняя знакомая. Мы с ней в одной группе учились. Театр она бросила, теперь у нее там свой бизнес. Она приглашает нас в гости. Ты там, конечно, будешь по своим делам целыми днями

бегать, а мы – две одинокие и красивые дамы – будем тебя ждать, подперев кулачками подбородки, а вечером наливать ледяной водки и горячих щей.

– Да? – удивился Гуров. – Ты хочешь сорваться из Москвы из-за бывшей однокурсницы, хотя пропищала мне все уши, уверяя в том, что устаешь от гастрольных поездок? Подруга дней моих суровых, ты, часом, не?.. Может, ты мне не доверяешь, решила проверить, действительно ли я еду в командировку?

– Ах! – Мария схватилась за сердце, вторую ладонь тыльной стороной приложила ко лбу. – О горе мне! Он меня раскусил! Сомнения терзали грудь мою, теперь же нет мне от стыда покоя!

– Красиво, – согласился Гуров. – А это откуда?

– Не заморачивайся. – Маша махнула рукой. – Это моя стилизация.

Дмитрий Сергеевич Бурмистров по праву мог считать себя победителем. Он выиграл этот матч и сидел в кресле главы администрации Бобровского муниципального района. Бывший спортсмен до сих пор мыслил привычными категориями и прикидывал кондиции своих политических противников.

Бурмистрову, сорокадвухлетнему красивому высокому мужчине атлетического телосложения, было важно занять этот пост. Он мысленно называл свою должность трамплином. Бурмистров достойно показал себя на отборочных со-

ревнованиях и был готов вырваться на новый уровень.

Дмитрия Сергеевича всегда отличала завидная энергия. Он не любил много говорить, предпочитал сразу действовать. В этом заключались как его сила, так и слабость. С одной стороны, он слыл деятельным руководителем, с другой – о нем говорили как о торопыге. Хотя большая часть руководителей высшего звена полагала, что с опытом это пройдет. Главное – добиваться высоких показателей.

Сегодняшний прием посетителей шел на редкость нудно и медленно. Дмитрию Сергеевичу никак не удавалось скоренько разбираться с визитерами. Наверное, сегодня мысли у главы администрации были совсем в другом месте. Он с сожалением подумал, что на такие приемы следует брать с собой кого-нибудь из расторопных девок. Пусть записывают суть, а он потом отправит каждый вопрос для исполнения в отделы или кому-нибудь из заместителей.

Полногрудая секретарша Лена вошла в кабинет, как было заведено у Бурмистрова. Когда очередной визит заканчивался, он нажимал кнопку. Появлялась секретарша и получала указание пускать следующего визитера по списку или изменить очередность.

– К вам ученые из университета, – доложила Лена, стеснительно прижимая к груди планшет с листом бумаги. – Смирнова и Захаров.

Бурмистров довольно быстро понял, что он нравился Лене как мужик. На этот счет у него пока не сложилось ни-

какого мнения по причине дикой занятости, но такое внимание было приятно. Ему нравилась эта непосредственная стеснительность, с которой она одергивала перед ним короткую юбочку. Как будто кто-то под угрозой смерти заставлял Лену ее надевать.

– Да, хорошо. – Бурмистров солидно кивнул. – Но эти последние, у меня совсем времени не осталось. Лена, дождись, когда ученые зайдут, а потом вежливо оповести остальных, что прием окончен. Запиши всех прочих на другой день.

Секретарша со старательностью ученицы опустила голову, открыла дверь и пригласила новых визитеров. Первой, как и значилось в списке, вошла женщина лет пятидесяти, доцент Смирнова. Чувствовалось, что это властная женщина с весьма прямолинейным мышлением. Следом появился лысоватый мужчина с намечающейся полнотой и румяным лицом. Он был лет на десять помоложе дамы.

– Прошу вас. – Бурмистров галантно встал из-за стола и сделал широкий приглашающий жест. – Присаживайтесь. Я слушаю вас. Что привело ученых в чиновничий кабинет?

Попытка по-свойски пошутить провалилась.

– Именно в чиновничий, – сухо ответила женщина. – В ученых кабинетах такие вопросы не возникают. Они появляются по вине ваших коллег.

Захаров постарался как-то нивелировать бестактность своей спутницы и пояснил:

– Видите ли, речь идет о территории, которая ранее входи-

ла в границы природоохранных комплексов. До девяностого года в вашем районе имелся заповедник, где охранялись бобры. Это лиманная часть речки Бобровки в шести километрах южнее райцентра. Собственно, он и сейчас существует. Просто сегодня его границы несколько урезаны, о чем мы и хотели с вами поговорить. Почти ничего не осталось и от уникального урочища. К заповеднику раньше примыкал заказник, где занимались сохранением дроф. Эти земли по непонятным причинам были выведены из состава природоохранных территорий, и дрофам грозит полное вымирание. Мы сейчас едва удерживаем популяцию в минимальном количестве, каждый год выпускаем в природу несколько десятков птиц. Сами понимаете, что такими методами нам не сохранить уникальную птицу, занесенную в Красную книгу.

– Стоп-стоп! – Сохраняя внимательное и понимающее выражение лица, Бурмистров поднял руку. – Я вас понял. Но, дорогие мои ученые, так вопрос нам не только решить, но даже рассмотреть трудно. Подготовьте, пожалуйста, проект, изложите в нем прошлое состояние дел, нынешнее, перспективы. Приложите карты с границами. Я думаю, что мы со специалистами рассмотрим ваши предложения, а потом соберемся и обсудим.

– С какими специалистами вы собрались это обсуждать? – снова заговорила Смирнова. – В районном центре едва ли наберется десяток человек, хоть как-то понимающих суть проблемы. Это пара краеведов-самоучек да несколько учи-

телей средних школ. А ведь восстанавливать границы природоохранных территорий придется через Москву, это федеральный реестр.

«Вот принесла вас нелегкая! – с раздражением подумал Бурмистров. – Не могли как-то постепенно с этим вопросом выйти. Прислали бы сначала материалы, а потом уже мы собрали бы какой-нибудь консилиум по этой проблеме. Как им все просто! Тут вопрос не экологический, а юридический. С этой стороны будут проблемы! Как бы сейчас намекнуть этому Захарову, чтобы он больше эту вздорную бабу с собой не брал? Хотя еще неизвестно, кто кого взял. Может, как раз она его?».

– Конечно-конечно, – согласился Бурмистров, состроив убежденный вид. – Такие уникальные природные комплексы – лицо района, его богатство. Мы обязательно будем с этим разбираться. Жду от вас материалы, описания, карты…

Выпроводив наконец ученых, Дмитрий Сергеевич засунул руки в карманы брюк и подошел к окну. Вот ведь еще проблема. Ею тоже придется заниматься лично, потому что поручить некому. Слишком маленький и не очень квалифицированный аппарат в районной администрации. Нагрузишь кого, а он там с этой Смирновой схлестнется. Потом в газете узнаешь, кто ты есть на самом деле. Душитель местной экологии, вредитель, засланный враждебными силами, ставленник бизнеса, которому на народ, природу и культуру плевать. Надо ехать, смотреть территорию, самому иметь пред-

ставление о сути дела, видеть перед собой не только цифры.

Бурмистров вернулся к столу, нажал одну из кнопок селектора.

– Егор Владимирович, – небрежно, со смакованием некоторого ощущения власти, сказал он. – Наутро не планируйте никаких дел. По району проедем.

– Понял, – с готовностью отозвался низкий мужской голос. – Кого с собой возьмем?

– Никого, – отрезал Бурмистров. – Отправимся вдвоем, посмотрим кое-что, а уж потом будем решать.

– Что, проблемы какие-то на местах наклюнулись? – осторожно спросил собеседник.

– Вот и увидим, – сухо ответил Бурмистров. – Проблемы это или нет. – Он снова нажал кнопку, отключая связь.

Было в этом что-то низкое, но приятное. Например, возможность не объяснять, не отвечать на вопросы. Манипулировать людьми. Правда, взамен ты даешь возможность так же обращаться с тобой вышестоящему начальству. Собственно, все это временно, если ты настроен подниматься по служебной лестнице. Ты идешь вверх, и количество лиц, зависящих от тебя, увеличивается, а тех персон, которые могут указывать тебе, становится все меньше. Так думал глава Бобровского муниципального района Бурмистров. Человек, только недавно вкусивший плоды небольшой власти и еще не до конца понимающий все сложности чиновничьей работы и схемы взаимоотношений во властных структурах.

На следующее утро начальник правового отдела Коновалов явился к Бурмистрову в половине восьмого. Этот крупный грузный мужчина с густыми бровями и жестким взглядом был старше Бурмистрова лет на десять. Многие районные чиновники его побаивались. Но перед главой администрации Егор Владимирович демонстрировал лояльность и исполнительность. Он был опытным юристом, в администрации работал уже лет пятнадцать, пережил больше десятка руководителей района. Сам же Коновалов неизменно всплывал после всех чиновничьих катаклизмов.

До полудня они объехали несколько фермерских хозяйств, два строительных участка и четыре рынка сельскохозяйственной продукции. Бурмистрову очень хотелось заглянуть в несколько деревушек, где накопились просто страшные проблемы. Например, в них до сих пор не был проведен газ, хотя областное начальство давным-давно отрапортовало о полной газификации области. Но время поджимало, и Бурмистров с сожалением отказался от этой идеи.

– Давай-ка, Миша, вон туда, к реке. – Он показал рукой.

– Ага. – Водитель, мастер спорта по ралли, даже обрадовался, хотя и знал, что ехать ему придется по траве, и неизвестно, что там окажется под колесами. – Бобровая заводь, да? Там, говорят, звери новую плотину строят. Старую почти снесло половодьем.

– Ферму надо заводить, – непонятно кому сказал Коновалов с заднего сиденья. – Пару лет уже пороги обивают

два специалиста. Бобровые шкурки даже за границей будут брать. У нас сразу налоговые сборы подскочат.

– Одна ферма даст значительный прирост по налогам? – удивился Бурмистров, продолжая глядеть прямо вперед. – Сомневаюсь я.

– Почему же одна? – Коновалов оживился на заднем сиденье. – Разведение бобров – вещь весьма рентабельная. Можно несколько ферм сделать. Бобр – это не только ценный мех. Кстати, одна шкурка на рынке идет от полутора до двух с половиной тысяч, в зависимости от размера. Хороший упитанный хвост – дорогое лакомство для гурманов. Его рестораны хорошо берут. В фармацевтике и парфюмерной промышленности используются жир и бобровая струя. Это выделение такой мускусной железы.

– Вы, я смотрю, неплохо разбираетесь в разведении бобров, – с иронией сказал Бурмистров.

– Я всегда стараюсь досконально изучить вопрос, если он попадает мне в работу. Были предложения, я навел справки. Вот и все.

– Ладно, – примирительно ответил Бурмистров, решив, что Коновалов обиделся. – Просто замечательно, что вы так стараетесь. Я рассчитываю на вашу поддержку и советы. Очень не хочется выбрасывать деньги на ветер.

Машина остановилась на берегу. Михаил деловито бросился смотреть колеса и подвеску. Бурмистров неторопливо вылез из машины и увидел внизу заводь, которую с од-

ной стороны уже почти перегородила плотина, сложенная из тонких стволов и ветвей. Темные крупные животные, блестя мехом и шлепая по воде широкими хвостами, старательно возились, укрепляли свое строение.

Подождав, когда Коновалов подойдет к нему, Бурмистров глубокомысленно заявил:

– Фермы – это хорошо, налоги – тоже замечательно, но наш район должен славиться не только результатами хозяйственной деятельности. Перед вами наше богатство. Экология, чистая среда обитания, редкие животные и птицы, которые здесь водились и сто лет назад, и двести, и четыреста.

– Ясно. – Коновалов хмыкнул. – Кто-то вам уже успел изложить свои идеи. Опять эти экологи из университета? Им бы свои диссертации сочинять, вот и весь интерес. Администрация района и области должна им в этом помогать. На чужих плечах хотят в рай въехать. Энергетики почему-то помощи не требуют, дорожники тоже…

– Егор Владимирович! – перебил ворчание своего главного юриста Бурмистров. – Вы явно испорчены своей профессией. Вы хороший специалист, давно работаете на своем месте. Но, извините, есть ведь на свете и иные ценности, а не только финансовые планы, отчеты и налоги.

– Да я ничего, – сразу согласился Коновалов. – Я просто к тому, что все проблемы на администрацию вешают, а сами палец о палец не хотят ударить. Я вот вам про фермеров говорил, которые собираются бобрами заниматься…

– Скажите, а что это там за строения в поле? – снова перебил юриста Бурмистров. – Ангары какие-то? Что-то я не помню, чтобы в этом районе велось производство.

– Да какое там производство! Частная собственность. Сейчас все захирело, а в конце восьмидесятых тут у нас началось, прямо как болезнь. Модно стало свои частные самолеты иметь и учиться на них летать.

– Так это что же, остатки частного аэродрома?

– До аэродрома у них так и не дошло, а вот землю выделили. В Москве решали, без нас. Два ангара поставили, самолеты привезли, кажется, парочку. А потом все затихло. Гоняли моторы без всякого толку, а потом увезли. Вроде там сейчас авиационные двигатели чинят или еще что. Иногда машина приходит с железом каким-то.

– Так из-за этого поля у нас скандал не прекращается с застройщиками? Про данный участок говорили, что тут хотят пробить строительство элитного коттеджного поселка?

Коновалов помялся и подтвердил:

– Да, из-за этого. Кто ж им разрешит в водоохранной зоне строить жилье? Да и мы, опять же, можем только согласовать отведение участка, а утверждать изменение в кадастре будет Москва. На этот год все изменения уже сделаны. Область не станет соваться в Москву из-за какой-то бобровой дыры.

– А правда, что когда-то, еще в советские времена, здесь был заповедник? Говорят, тут дроф пытались сохранить?

– Вроде было, я не совсем помню. Столько лет прошло.

– Я попрошу вас, Егор Владимирович, подготовить мне служебную записку по этой территории, – строго распорядился Бурмистров, показывая, что обсуждение вопроса закончено. – Когда, какими актами отводилась земля. Ее целевое назначение. Кто сейчас владеет ею, на каком основании: аренда, выкуп. Хорошо?

Бросив последний взгляд в сторону ангаров, Бурмистров с сожалением распорядился ехать в администрацию. Временем для знакомства с этим странным объектом у него совсем не оставалось.

Глава 2

– Тебе что, должность твоя надоела? – орал большой начальник в трубку. – Так ты прямо скажи. Я тебя в течение суток оттуда сниму, найду за что! Или погоны жмут?

Начальник районного управления внутренних дел подполковник полиции Игнатович морщился, опасливо отодвигал трубку от уха, но снова возвращал ее назад, боясь в потоке брани и угроз пропустить важную информацию. Реакция областного начальства была ошеломительной. А ведь Игнатович всего-то приказал разобраться, что за предприятие работает в двух ангарах, расположенных в пяти километрах южнее райцентра, неподалеку от берега реки Бобровки. Он отдал такой приказ не из каких-то там корыстных побуждений, а исключительно в интересах дела. Сознавать это было очень обидно.

Откровенная вражда между нынешним собственником ангаров и владельцем компании «Каналстрой» зашла слишком далеко. Подполковнику Игнатовичу не было бы никакого дела до ведомственных конфликтов, если бы не угрожающие обстоятельства. Вроде бы обыкновенная борьба за выгодный участок земли и ничего больше. Но до руководства РУВД стали доходить сведения об угрозах и шантаже. Игнатович стал догадываться, что эту неспокойную информацию специально подбрасывают полиции, чтобы она вмешалась,

как ей и положено. Он попытался это сделать и мгновенно получил даже не по рукам. Сейчас вот ему фактически врезали по голове.

Игнатович только послал участкового познакомиться и разобраться, как сразу последовал этот звонок. Невозможно было понять, кто же собственник этого строения и земли, не говоря уже о том, какого рода производство там ведется. Хуже того, участковый доложил о пропаже местного жителя, а потом этого человека нашли возле собственного гаража с пулей в сердце. Следственное управление как-то не торопилось с возбуждением уголовного дела, не завалило оперативников заданиями. Как будто им было совсем неинтересно, кто и зачем убил простого мужика. А теперь вот это!

– Ты заруби себе на своем длинном и любопытном носу, Игнатович! – орал большой начальник в трубку. – Есть вопросы и люди, которых нам с тобой следует обходить стороной. Нет, не потому, что они нарушают закон, а нам их нельзя трогать! Дело в том, Игнатович, что они и есть этот самый закон, понял? Это власть, которой мы должны подчиняться. А не будем, нас с тобой переедут и не заметят. Тебе сколько до песни по выслуге осталось? Ты полковника хочешь получить, пенсию хорошую? Вот то-то! И чтобы я больше не слышал, что ты там на кого-то пытаешься наехать. Твое дело – общественный порядок, кражи, и алкаши, которые лупят своих жен. Все!

Подполковник полез в карман за носовым платком. Пот

лил из него как вода из дуршлага.

Злость душила, но здравый смысл подсказывал:

«Ты подполковник для подчиненных, начальник районной полиции. Этим твоя власть и полномочия ограничиваются. Так что засунь свою гордость себе в… портмоне и заткнись. Служба у тебя такая. Ты ее знаешь не со вчерашнего дня и не хочешь потерять. Вот и дослуживай! Незначительные проблемы бывают лишь у маленьких людей».

Игнатович подавил наконец жгучее раздражение, потом повернулся к пульту селектора и нажал одну из кнопок.

– Срочно ко мне этого участкового, – приказал подполковник. – Как его?.. Да, Ершова!

Гуров с Марией ехали в новеньком красном «Рено». Лев Иванович сидел сзади и оценивал красоты самарской природы. Его законная половина болтала без умолку со своей однокурсницей Аленкой Костиной, которая ловко управлялась с машиной, успевала курить тонкую черную сигаретку и отвечать на телефонные звонки.

К величайшему удовольствию Гурова, во время их встречи в аэропорту Курумоч эта Аленка не очень долго рассматривала мужа своей старой приятельницы и сыпала избитыми фразами про настоящего полковника. Несколько выразительных взглядов, многозначительных усмешек, а потом Костина полностью завладела Машей.

Обычная болтовня двух женщин, которые не виделись почти два десятка лет. А где та, а как этот, а слышала про… и

так далее, и тому подобное. Аленка, бывшая актриса, была хорошо осведомлена о жизни современной московской богемы. Она, как выяснилось, поддерживала отношения кое с кем из однокурсниц.

В принципе эта Аленка Гурову понравилась. Ухоженная, одевающаяся со вкусом, знающая себе цену дамочка, которая выглядит лет на десять моложе своих лет. Оно и понятно, если ты хозяйка сети салонов красоты и школы по подготовке мастеров для этой самой индустрии. Чувство такта у нее было. Она не очень докучала мужу однокурсницы. На уровне необременительной игры в легкий флирт.

– Вообще-то ты зря бросила сцену, – проговорила Маша. – Я помню, как о тебе отзывались на курсе. Тебя, по-моему, приглашали после окончания чуть ли не в…

– Ой, Машенька! – Аленка махнула рукой. – Я тебя умоляю! Главрежи двух театров уже видели меня в своей постели. Что же касается моего актерского таланта, ты знаешь, я быстро повзрослела. Это все хорошо для школьниц, а я реалистка, люблю идти вперед, невзирая на трудности.

– В театре полно возможностей именно для этого. Невзирая на трудности!.. – Мария усмехнулась.

– Знаю. – Аленка расхохоталась. – Только не сразу. Сначала ты начинающая, должна уважать мастеров сцены и преклоняться перед ними. Потом тебе надо заслужить и удержать ее. Вслед за этим ты будешь доказывать, что способна не только на этот шаблон, но и на настоящую драматическую

характерную роль. Далее, милая моя, молодые мужчины перестают обращать на тебя внимание. Они начинают уступать тебе место в общественном транспорте. Оглянешься и увидишь, что ты годишься только для роли Раневской, но вот обратно в Париж уже не уедешь, потому как не на что.

– Аленка, ты какая-то пессимистка. Помнится, раньше ты не была такой.

– А это потому, что я актерскую карьеру бросила. Ты мне сейчас себя будешь в пример приводить. Да, Машка, ты всегда была талантищем, а я в себе таких способностей не видела. Побаловалась и хватит. Зато я теперь могу и в Париж, и Дубаи, и в Майами. Я сама себе хозяйка!

– Ни детей, ни плетей. – Мария положила ладонь ей на локоть. – Ты почему одна, Алена?

– Так. – Женщина неопределенно дернула плечом и покосилась на Гурова. – Не встретила вот такого сильного мужика, как твой. А если серьезно, все время пугаюсь, что они льнут ко мне из-за денег. А тем, у кого они есть, подавай молоденьких. Упустила я свое время, Маша. Теперь какого-нибудь престарелого художника или писателя отхватить бы. Вот и будет мне счастье. Ему на мои деньги плевать, а мне на его творчество. Вот мирно и уживемся.

– Болтушка! – укоризненно сказала Мария. – Какой была, такой и осталась.

– Это я могу. – Аленка задорно тряхнула короткими волосами. – Это я умею!

Двухуровневая квартира в элитном районе на берегу Волги Гурову понравилась. Например, тем, что он смог уйти на второй этаж, в комнату, выделенную им с Машей, вытянуть ноги и не слышать этих бесконечных воспоминаний.

Торжественный обед он пропустить не имел права, но мысленно был уже на работе. Собственно, Лев Иванович всю дорогу не переставал думать о ней. О том, что у него осталась масса незавершенных дел в Москве, о том, что Петру по старой дружбе не захотелось отправлять Гурова выполнять откровенно шкурное задание.

Лев Гуров и Петр Орлов познакомились в МУРе. Отношения капитана и подполковника сложились не сразу. Они долгое время выдерживались в рамках соперничества, сводились к попыткам доказать друг другу правоту взглядов и подходов к оперативной работе. Потом как-то сразу стало ясно, что эти люди – родственные души при абсолютно разных характерах. Дружба офицеров, матерых сыщиков, продолжалась уже очень много лет.

Потом Гурова позвали к столу, где он стал щеголять офицерской выправкой и умело скрывать, что его фигура становится несколько далекой от эталона мужской красоты. Лев Иванович некоторое время развлекал дам изысканными тостами, а потом откланялся, сославшись на то, что у него срочные дела.

Его действительно ждали в областном управлении внутренних дел. Здесь он был представителем главка, значит, ли-

цом вышестоящим, но опаздывать не хотел. Ко времени его появления местное руководство соберет нужных людей. Гуров сможет оценить некоторых офицеров и вытребовать себе в помощники на время командировки того, кто ему будет нужен, понравится по деловым и оперативным качествам. Он терпеть не мог пустобрехов, не владеющих информацией и не имеющих профессиональных навыков, которых ему всегда навязывали на местах во время командировок. Зато эти люди очень хорошо умели угождать, устраивать различные «хотелки» представителей главка.

– Ну! – Аленка не скрывала своего разочарования. – Единственный кавалер в обществе двух дам, и тот их покидает. А мне так давно не приходилось класть в танце руку на сильное мужественное плечо настоящего полковника.

Гуров щелкнул каблуками, боднул головой воздух, как заправский салонный хлыщ, и заявил:

– Мадам, виноват! Буду счастлив реабилитироваться в ваших глазах!

Дамы со смехом простили и отпустили Гурова. Тут же зазвонил его телефон. Из областного управления сообщили, что машина подъехала и ждет во дворе. Гуров снова стал серьезным, потому что опять был на работе.

«Что-то я развеселился, – подумал Лев Иванович. – Нервное это у меня, что ли? И Станислав в отпуске, и меня отправили как на курорт. Если бы еще Орлов узнал, что я в командировку поехал с женой, то зубоскальству конца бы не

было. Но Орлову сейчас точно не до веселья, а потому сделаем эту скучную, хотя и нужную работу, а потом вернемся в Москву, к своим делам».

Машина подъехала к новому пятиэтажному зданию с широким входом под большим козырьком.

Постепенно все забывается. Гуров подумал, что прошло уже много лет с того памятного дня, который стал шоковым для милиции всей страны. Тогда, 10 февраля 1999 года, в 17.52 вспыхнул пожар в здании Самарского ГУВД. Не здесь, а на улице Куйбышева. Через пятнадцать минут о происшествии знала Москва. Страшный был пожар! Через два с половиной часа стали рушиться перекрытия и кровля. 57 сотрудников управления погибли. Сгорели важнейшие документы.

Сейчас ничто не напоминало о той трагедии. Новенькое здание на Соколовой улице, обязательные ели вдоль фасада. Возле внутреннего поста полковника Гурова ждал молоденький худощавый капитан в очках. Он старательно шмыгал носом, потным от волнения.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – бодро приветствовал Гурова капитан. – Мы вас ждем. Проходите, я провожу вас.

– Да? И куда? – демократично пожимая руку капитану, осведомился Гуров.

– К заму по оперативной работе, а потом в ваш кабинет. Мы вам выделили помещение для работы. Там есть все необ-

ходимое: и диван, и стол, и компьютер. Вай-фай!..

– Я не понял, молодой человек, – заявил Гуров, остановившись на лестнице и повернувшись к капитану, сопровождающему его. – А почему вы перечисление содержимого кабинета начали именно с дивана?

Капитан замешкался и забегал глазами.

– Просто так, случайно получилось.

– Как вас зовут?

– Капитан Седов! Алексей.

– Так вот, капитан Седов Алексей, если вы полагаете, что я приехал сидеть или лежать, тем более в отдельном кабинете на диване, то глубоко заблуждаетесь, – строго сказал Гуров. – Мне предстоит много бегать. Вместе со мной этим займутся и сотрудники той части вашего управления, которую я приехал проверять.

– Виноват, товарищ полковник!

– Во-вторых, я не терплю словосочетания «товарищ полковник». Оно отдает какой-то пошлятиной, не совмещается у меня ни в жизни, ни в голове. Понятно? Либо «господин полковник», либо Лев Иванович.

– Понял. – Капитан немного помялся и улыбнулся. – Честно говоря, я просто забыл, из головы выскочило. Про это меня уже предупреждали те люди, которые вас хорошо знают.

– И много здесь таких? – Гуров хмыкнул.

– Не знаю, но про вас легенды рассказывают. Как же, сам Лев Иванович Гуров приехал!

– Слушай, Леша, а чем ты тут занимаешься? Я имею в виду управление.

– Я в хозяйственной службе, – ответил капитан и смутился. – Вот мы и пришли.

Лев Иванович не стал дожидаться, когда услужливый сопровождающий откроет перед ним дверь, и толкнул ее сам. Ему не хотелось оскорблять офицера, делать из него лакея.

Молодой седовласый подполковник – заместитель по оперативной работе – выглядел так, как ему и было положено: сухощавым, усталым, недовольным и не особенно выспавшимся. Это Гурову понравилось, потому что соответствовало профилю работы и образу человека, выполняющего ее.

Подполковник Рогозин, как это следовало из надписи на табличке, прикрепленной к двери, вышел из-за стола и протянул руку представителю главка.

– Рад вашему приезду, Лев Иванович, – чуть улыбнувшись, произнес он. – Прошу присаживаться.

– А чего это вы рады? – ворчливо удивился Гуров. – Радуются приезду проверяющих лишь мазохисты и…

– А вы не помните меня, – констатировал Рогозин, снова улыбнувшись одними уголками губ. – Я тогда еще старшим лейтенантом был, а вы – важняком в МУРе. Просто у вас, Лев Иванович, есть чему поучиться. Совершенно неважно, в каком именно качестве вы приехали к нам.

– Да? – удивился Гуров. – Тогда ладно, радуйтесь. А теперь давайте к делу. Проверка будет проходить выборочно.

Я хотел бы первым делом посетить одно из самых слабых ваших районных управлений – Бобровское. Когда закончу там, поговорим и о работе областной структуры.

– Как скажете.

– Машину за мной закрепите эту, которая меня и привезла сюда?

– У вас есть принципиальные возражения против этого водителя? – насторожился Рогозин.

– А если непринципиальные? – Гуров тут же вскинул брови, но увидел, как поморщился полковник, и махнул рукой. – Нет, возражений не имею. Нормальный парень этот ваш Михаил. И еще, если позволите. Мне нужен будет помощник, своего рода офицер для особых поручений. Не за сигаретами, конечно, бегать, а для того, чтобы оградить меня от всяких местных проблем, быть проводником. Если вы не против, то я возьму вот Алексея. – Гуров хлопнул встревожившегося капитана по плечу и выразительно взглянул на полковника.

Рогозин некоторое время смотрел на Гурова с недоумением, потом пожал плечами и заявил:

– Дело ваше, конечно. Только Седов не оперативник. Он вряд ли сможет оказать вам помощь в работе.

– Вы просто сообщите о моем решении его начальству, хорошо? – Гуров встал и показал пальцем на Седова. – А еще оставьте ему ваш рабочий, домашний и мобильный телефоны, чтобы я мог оперативно с вами связаться. Если возник-

нет, конечно, такая ситуация. Крайняя!

– Лев Иванович, мне кажется, вы сразу как-то предвзято начинаете к нам относиться, – несколько недовольно сказал Рогозин.

– Разумеется, – согласился Гуров. – А как вот вы, главный сыщик в области, можете спокойно, даже равнодушно об этом говорить, когда у вас по некоторым отделам и районам почти стопроцентная раскрываемость, а по другим показатели до того низкие, что в голову приходят сомнения в том, работают ли там вообще. В первом случае – откровенная липа. Вы сами ее едите и нам в Москву скармливаете. А вот со вторым я не знаю, что и делать. Видите ли, я уголовному розыску отдал всю свою жизнь, и моя ревность вполне объяснима.

– Я вас понимаю, – заявил Рогозин.

– Ни черта вы не понимаете! – взорвался Гуров. – Если бы понимали, то давно бы в отставку подали, раз не справляетесь, не можете организовать оперативную работу в области так, как положено. Если не способны, то я вас пойму. Не дано – это бывает. Но если можете, но не хотите, если вас начальственное кресло засосало по самую селезенку, тогда разговор будет другой. Включайтесь в работу, Рогозин, если у вас есть чувство долга. Давайте будем вместе исправлять положение. Это единственное доброе мое пожелание на сегодня.

Они выехали в пригороды.

Капитан Седов обернулся к Гурову с переднего сиденья и спросил:

– Лев Иванович, а зачем вы именно меня к себе в помощники выбрали? Могли кого-то поопытнее найти.

– Не мог, – ответил Гуров, рассеянно глядя в окно, за которым мелькали дома частного сектора. – Кого поопытнее мне пришлось бы от дела отрывать. Он выпадает из обоймы. Его работу придется выполнять какому-то другому человеку. Вред один. А ты все равно шалберничаешь.

– Почему же?.. – смутился капитан.

– Потому что без тебя ничего страшного не случится в твоем управлении. А еще потому, что ты молодой парень, с высшим образованием, амбициозный, думаю, что и не глупый. Мне будет нужно, чтобы ты меня представлял везде и всюду перед здешним руководством, чтобы не я терял время на организационные вопросы, а ты.

– Адъютант. – Седов без энтузиазма кивнул.

– Нисколько! – с напором возразил Гуров. – Что вы все с какими-то барскими наклонностями здесь? Прислуга, лакей, адъютант! А почему не стажер, не молодой напарник? Ты хочешь, чтобы оперативные службы в твоей области работали эффективно?

– Хочу, – согласился капитан.

– А признайся, когда с девушками знакомишься, ты им про какую свою службу рассказываешь? Про хозяйственный отдел? Про то, как договора составляешь с подрядчиками и

поставщиками? Ты ведь наверняка им лапшу вешаешь про опасности твоей работы, про то, как с пистолетом в ночи идешь на схватку с опаснейшим преступником! Так ведь, Леша?

– Бывает, – согласился Седов и рассмеялся.

– Вот я и думаю, что в глубине души ты не совсем доволен своей службой, куда тебя засунули по блату. Почему-то мне кажется, что ты мечтаешь об оперативной работе. А раз так, то давай кумекать вместе, напарник. В чем, по-твоему, причины отставания показателей в Бобровском УВД?

– Об этом я ничего сказать не могу. – Седов пожал плечами. – У меня информации нет, я на совещания оперативных служб не хожу. Но, по-моему, причина всегда в людях. Про начальника УВД слухи ходят вполне определенные. Что он там живет как в своей вотчине, барствует. А ведь так не бывает, чтобы начальник жирел за счет работы, переставал руководить, пускал все на самотек, а подчиненные при этом из кожи лезли, давали бы показатели.

– Умное и зрелое рассуждение, – согласился Гуров. – Рыба гниет с головы. Распустился начальник, неизбежно расслабятся и подчиненные. Если можно не работать, то и не будут. Это закон природы. А что собой представляет район вообще, тамошнее начальство?

– Бобровский район расположен недалеко от областного центра, а отсюда и все его особенности. Коттеджное строительство процветает, территории делят, загородные клубы,

базы отдыха. Мутный район. Как бы это вам сказать?.. Настоящей власти там нет. Криминальные структуры не успели или не смогли ее захватить. Бизнес глубоко еще не влез, чтобы на все лапу наложить. Администрация района вся передралась из-за руководящих кресел. Думаю, что там борьба интересов, а до управления районом руки не доходят. Вот поэтому и полиция местная тоже расслабилась.

– Молодец, толково, – похвалил Гуров. – А мне вот, столичному жителю, обидно на такое смотреть. Природа у вас роскошная. В Подмосковье, конечно, тоже красиво, но там изначально болота были, влажные леса, а у вас сухие. И Волга! В красивых местах должны жить замечательные люди, не находишь, капитан?

– А вы романтик, Лев Иванович! – Седов засмеялся.

– Есть немного, – скромно признался Гуров, наклонился, похлопал водителя по плечу и распорядился: – Сверни-ка на проселок, вон туда, к реке.

Михаил с готовностью сбавил скорость и повернул руль. Машину затрясло и стало покачивать, как корабль на волнах. Водитель ворчал себе под нос, что природа природой, а вот дороги здесь не сравнятся с московскими. Федеральные трассы, конечно, хорошие, а вот дороги местного значения!..

Тут под днищем что-то лязгнуло, и Михаил сразу же нажал на тормоз. Заглушив двигатель, он выскочил из кабины, встал на колени и заглянул куда-то за передние колеса.

– Кажется, приехали. – Гуров вздохнул и тоже полез на-

ружу.

Спина и зад Михаила торчали из-под машины, голос его звучал глухо и расстроенно. Он поносил дешевые запчасти для машин и кривые руки тех горе-мастеров, которые делали последнее техническое обслуживание этой «Волги».

– Что там? – строго, входя в роль, определенную ему Гуровым, спросил у водителя Седов.

– Да хреново, вот чего! – выбираясь из-под машины и отряхивая колени, недовольно ответил Спирин. – Сварка нужна. Защита картера отвалилась. Если тронемся, то в землю упремся. Вообще все вывернем!

– Как же ты так, Спирин? – начал отчитывать водителя капитан. – Следить надо за машиной, посматривать под нее иногда.

– Стоп, ребята. – Гуров поднял руку. – Сейчас упреками мы ничего не добьемся. А защита вещь такая, что болты в ней отвернуться могут за два часа.

– Там два передних срезало, – обиженно поддакнул Михаил. – По самые головки.

– Сиди-ка ты, дружок, возле машины, – распорядился Гуров и посмотрел в сторону леска, куда уходила грунтовая дорога. – А мы с капитаном сходим за помощью. Мне кажется, что там виднеется населенный пункт.

– Село, – подтвердил водитель. – Алексеевское. Я указатель видел, когда мы по трассе проезжали.

Гуров зашагал по дороге. Он подумал, что они с Седовым

выглядят довольно забавно. Выйдут к селу из леса двое в полицейской форме. Один – с погонами капитана, а второй – аж полковника. Да и в лесу встретиться с ними будет, мягко говоря, необычно. Однако иного выхода не было.

Гуров быстро шел по опушке, выговаривая Седову за неуместные замечания в адрес водителя:

– Ты, Алексей, зачем стал упрекать Михаила? Ты его знаешь как исключительно нерадивого человека? К нему уже были серьезные замечания?

– Нет, я его не знаю. В том смысле, что никогда с ним не ездил и нареканий в его адрес не слышал. Если бы они были, то его сняли бы с такой машины и пересадили на патрульный «уазик».

– Вот! – Гуров поднял указательный палец. – Ты его не знаешь, а обвинения уже навешиваешь. Ведь защита картера и вправду могла отвалиться в самый неподходящий момент. Думаешь, что у Михаила есть возможность каждое утро или вечер загонять машину на эстакаду и осматривать? Я очень в этом сомневаюсь. Так что, Леша, давай избавляться от начальственного гонора, пока не поздно. Объявлять о вине человеку нужно лишь в том случае, когда она доказана. Очень неприятная это штука – необоснованные обвинения. Не стимулируют они добросовестный труд. Усвой это.

Гурову очень понравилось, что капитан не стал оправдываться, а сразу принял замечание к сведению. За таким вот разговором они отмерили около двух километров по дороге,

а потом решили срезать путь через чистый березовый лесок. В это время до них донеслись отдаленные возбужденные голоса, шум тракторного двигателя и, кажется, еще и мотоцикла.

Гуров насторожился и прибавил шагу. Седов тоже закрутил головой. Они вышли на окраину деревни и двинулись к людям, стоявшим у калитки. За ней виднелся деревянный дом, потемневший от времени. Во дворе, наверное, происходило что-то необычное и страшное. Не просто же так это действо вызывало настоящую бурю эмоций у местных жителей.

– Смотрите! – Седов схватил Гурова за рукав и показал на дыру в заборе, где не хватало верхней части доски.

Полковник остановился, подошел к забору и посмотрел во двор дома. Здоровенный мужчина лет тридцати в порванной грязной майке размахивал большим ножом и бегал кругами вокруг избитой женщины, которая прислонилась к большому колесу трактора, билась в истерике и сквозь слезы просила помощи. Мужик, видимо, ее муж, находился в том состоянии опьянения, когда на ногах еще держатся, но контролировать себя уже не могут. В запале он вполне мог ударить женщину ножом. Учитывая размеры этого тесака, результаты могли быть плачевными. Таким ножами свиней резать.

Но этим картина не ограничивалась. Во дворе находился еще один человек, одетый в полицейскую форму. Были видны майорские погоны и кобура, оттягивающая ремень

брюк. Но пистолета майор не доставал даже для устрашения. Он пытался подойти к дебоширу как можно ближе и оттеснить его от избитой женщины. Безрассудство или умелое воздействие на пьяного? Майор не казался таким уж завзятым крепким бойцом. Если он не обладал серьезными навыками рукопашной схватки, то выстоять против здоровенного, пусть и пьяного молодого мужчины у него шансов не было.

– Коля, не надо, – спокойно, как-то по-домашнему проговорил майор. – Перестань. Чего ты ножом машешь? Брось. Ведь заденешь кого-нибудь, поранишь.

– Не лезь, Иваныч! – орал пьяный мужик, брызгая слюной. – Я всех порешу, кто сунется! Она, сука, мне изменила. Я такого не прощаю! Ты понял?

– Дурак ты, Коля. Чего слухам веришь? Ты столько лет с ней прожил, ведь вся деревня знает, что по любви женился. А какие букеты таскал на свидание? Я же тебя два раза штрафовал за то, что ты клумбу у здания администрации обдирал. Помнишь?

Седов откровенно волновался, но пока не решался торопить московского полковника и не делал попыток вмешаться. Гуров понял состояние молодого и неопытного капитана. Седов вполне мог наделать глупостей, если бы кинулся в гущу событий.

– Давай снимем фуражки, – распорядился он. – А то нас с тобой издалека видно. Не дай бог, этот пьяный герой заметит

нас и решит, что майору помощь приехала.

– Так это же хорошо, – удивился Седов. – Он поймет, что…

– Ничего он не поймет, парень! – оборвал Гуров капитана. – Он себя не контролирует, у него от человека остались одни эмоции, а разум уже спит. С нашим появлением он, наоборот, станет еще более агрессивным, скорее всего, просто кинется на майора.

– Так что же, мы спокойно смотреть на все это будем? Надо же помочь!

– Замолчи! – повысил голос Гуров. – Ты не видишь, что они знакомы, что майор тут имеет вес и способен его утихомирить? Дров наломать хочешь, пистолетом поразмахивать? Да с нами тут за стрельбу знаешь что сделают? Они же односельчане. Жена этого алкаша первая кинется нам глаза выцарапывать, если мы в него стрелять начнем.

Гуров, конечно же, перегибал палку. Ситуация во дворе дома была критическая. Избитую женщину наверняка придется отправлять в больницу. Да и жителям эти скандалы тоже наверняка надоели. Не те сейчас времена, когда все это терпели, жили именно так. Теперь даже в деревне все больше и больше проявляется позиция «моя хата с краю».

Но Гуров должен был остановить Седова, не допустить необдуманного вмешательства. Лезть в это дело придется только в самом крайнем случае, когда возникнет реальная опасность жизни или здоровью кого-то из присутствующих.

Гуров держался впереди, капитан сбоку и на шаг сзади. Люди, столпившиеся у ворот, стали постепенно оборачиваться, поглядывать на двух незнакомых полицейских. Послышались первые реплики, что вот уже приехали, и сейчас Кольке не поздоровится. Гуров прикладывал палец к губам и просил не шуметь.

Он протиснулся в первые ряды зрителей, за руку притянул к себе Седова и прошептал:

– Если я кинусь во двор, то ты за мной. Но не раньше.

Ситуация во дворе стала терять свой накал. Майор довольно смело повернулся к дебоширу спиной и наклонился к избитой женщине. Они о чем-то поговорили, после чего майор достал из кармана носовой платок и подал ей. Муж стоял, покачиваясь, и таращился на спину полицейского. Что проворачивалось в его голове, затуманенной алкоголем, оставалось только догадываться. Но было понятно, что агрессия постепенно улетучивается, а сам он впадает в состояние какой-то апатии.

– Хватит, Коля, – тихо сказал майор с усталым видом и подошел к мужчине совсем близко. – Давай нож, и прекратим этот все. Лизу в больницу надо. У нее не только ушибы, ей швы накладывать придется. Вон видишь, кровь течет?

Николай пытался сфокусироваться на жене, потом сделал шаг к ней и чуть не наступил полицейскому на ногу. Майор этим сразу же воспользовался и попытался отобрать нож. Это у него получилось почти без труда. Кулак дебошира раз-

жался, а он, кажется, и не понял этого. Майор повернулся и отшвырнул нож к дальнему забору. Только теперь он бросил взгляд в сторону ворот и заметил, что среди соседей стоят два незнакомых офицера полиции.

А женщина уже отмахивалась от мужа, обзывала его, велела оставить ее в покое и убираться куда подальше. Ее интонации были уже иными.

Майор взял мужчину за локоть и потянул к воротам.

– Все, Коля, хватит! Поехали. Полежишь у меня, проспишься, а утром поговорим, что с тобой делать. Давай-давай. Пошли.

Теперь только Гуров увидел, что над забором виднеется крыша полицейского «уазика». Лев Иванович подтолкнул Седова, чтобы он помог майору, если начнутся новые осложнения с пьяным дебоширом.

Майор, проходя мимо незнакомых офицеров, коротко бросил:

– «Скорую» ей вызовите. Люди вон подскажут.

Через час они сидели втроем в участковом пункте деревни. За стеной, в комнате для задержанных, раскатисто храпел утихомирившийся дебошир. Майор, представившийся местным участковым уполномоченным Ершовым, угощал гостей кофе и неторопливо отвечал на вопросы. Был он весь какой-то степенный, неторопливый, рассудительный. На гостей посматривал с уважением, даже на капитана Седова.

Гуров расспрашивал майора Ершова в большей степени

для того, чтобы Седов усвоил несколько уроков для себя. Как иногда приходится действовать в сложных ситуациях. Не всегда надо кричать, приказывать сдаваться и хвататься за пистолет.

– Значит, вы хорошо знаете этого Николая, были уверены, что он вас этим же ножом не ударит?

– Вообще-то мог. – Ершов чуть поморщился. – Николай, когда напьется, башку теряет напрочь. А утром они с женой мирятся.

– А стали бы стрелять, если бы этот Николай кинулся с ножом на вас, снова на жену или на кого-то из соседей?

– Да боже упаси, – уверенно заявил майор. – Я пистолет-то ношу не из-за местных, а из-за того, что залетные могут появиться, настоящие преступники. А эти!.. – Он махнул рукой. – Да и нельзя с ними так. Они ведь участкового уважать должны первым делом, а не бояться. Его слово законом должно быть, иметь вес в урегулировании споров. Именно слово, а не пистолет. Если я тут кого даже раню, а не то что насмерть застрелю, так меня же вообще уважать перестанут. Я для них свой, член семьи, а стрелять!.. Нет, не по-свойски это выйдет.

– А за хулиганство его привлечь тоже не сможете? – спросил Седов. – Это ведь тоже не по-свойски.

– Как раз это можно и нужно, – возразил Ершов. – Таково мое право, способ воспитания. У них же в крови это. Мол, пусть посидит да подумает. Не станет впредь такое делать.

Хоть на пятнадцать суток, хоть на два года. Тут как бы уже и претензии не ко мне, а к суду должны быть. Но ведь суд – это государство, власть. Там не возразишь. В деревнях еще сохраняется уважение к власти. В таких вот, где администрация что-то делает, есть рабочие места, откуда молодежь не бежит.

За окном затарахтел трактор, притащивший на буксире служебную «Волгу». Защита картера, подвязанная проволокой, громыхала под мотором на кочках.

– Вон, притащили вашу таратайку. – Майор улыбнулся. – До вечера мужики в мастерских все сделают. Рассверлят и новые болты поставят или переварят.

– Скажите, Ершов, а как часто на обслуживаемой вами территории случаются преступления? – спросил Гуров, не обращая внимания на машину. – Я не имею в виду ваше сегодняшнее показательное выступление и вообще бытовуху.

– Бывает. – Майор чуть нахмурился. – Я на своих деревнях уже двенадцать лет, много чего подчистил. Свои у меня практически не совершают. Пару раз за три года было между парнями по пьяному делу с тяжкими телесными. Кражи случаются, но все это мелочь деревенского масштаба. Если что и происходит серьезное, то совершается не местными. По крайней мере, на совещаниях нам так декларируют по результатам раскрываемости.

Как Гуров ни крутился, но не смог выведать у майора его мнения о начальстве. Ершов вел себя мудро по отношению к

представителю министерства, сопровождаемому капитаном из областного управления. Разговор закончился тем, что Ершов предложил гостям проехать до райцентра на его машине. Тем более что ему тоже надо было туда, на собрание офицерского состава.

В управлении помощник дежурного внял просьбе Гурова и не стал тут же докладывать начальству о приезде проверяющего полковника. Он обязательно это сделает, но спустя пару минут, когда Гуров и Седов поднимутся на второй этаж. Главное, сразу попасть в актовый зал и затеряться в задних рядах. Лев Иванович по опыту знал, что нет ничего лучше, чем познакомиться с коллективом изнутри. Мешали полковничьи погоны на плечах, но, увы, он находился в служебной командировке и обязан был носить форменную одежду. Но и простое наблюдение за сотрудниками, выступления с трибуны, обрывки фраз среди офицеров в зале – все это очень хорошо способствует пониманию ситуации.

Гуров знал, что результаты работы любой структуры зависят от атмосферы, царящей в этом коллективе. Хороший начальник окружает себя умными, грамотными заместителями и руководителями подразделений. Отсюда спокойная деловая атмосфера, уверенная работа команды. А если начальник всего лишь выслуживающийся дурак, то и атмосфера в коллективе напряженная, нездоровая. Все вроде бы делом заняты, а результаты минимальные. Это потому, что большая часть энергии человека тратится на стабилизацию пси-

хического и эмоционального состояния.

Совсем плохо, когда и начальник ничего не делает, и подчиненные руки опустили. Если можно не работать, то люди и не будут этого делать. Такую истину Гуров постиг давно. А поскольку человек не может сидеть сложа руки, то большая часть служебных телодвижений в таких отделах и управлениях направлена на решение собственных шкурных интересов. Это уже первый шаг к криминалу, к использованию служебного положения в целях наживы и тому подобному.

Начальник управления подполковник Игнатович Гурову не понравился. Слишком вялый он для такой должности. Внешность невзрачная, блеклая какая-то. Да и выступление его перед офицерами было ни о чем, так, набор общих фраз.

А цель собрания ведь замечательная: встреча коллектива с новым главой района. Самое время обозначить точки соприкосновения, наметить взаимопонимание в сложных вопросах. Да и факт такого шага со стороны руководителя района о многом говорит, характеризует его как человека во многих отношениях необычного, делового, с новаторскими наклонностями.

Игнатович сказал свое слово, выразил уверенность во всем том, в чем и положено, и уступил место за трибуной мужчине лет сорока с небольшим. Гурову он показался вполне симпатичным. Крепкий, широкоплечий, с открытым лицом и честными глазами. Повидав на своем веку многих людей, Гуров не обольщался внешностью, за которой мог скры-

ваться человек с несколько иными чертами характера и наклонностями.

Глава района заговорил. Уверенные интонации, привычные жесты, демократичный, чуть ослабленный узел галстука. Все это в сочетании с правильными словами создавало впечатление. Да, новый руководитель хотел бы видеть район таким-то и таким-то. Полиции в этом отведена такая-то роль.

Прислушавшись к слабому гулу голосов на галерке, Гуров уловил иронию. Всякие приезжали, много чего говорили и обещали. Кое-кого из них потом приходилось препровождать в ИВС.

Многие вообще не слушали оратора. Кто-то что-то писал в блокноте, у кого-то взгляд был откровенно направлен внутрь себя. Человек думал о работе.

«Что же, – размышлял Гуров, стараясь спрятаться за спинами офицеров, сидевших перед ним, от взгляда Игнатовича. – Потенциал есть, коллектив не совсем пропащий. Расслабились, не верят начальству, но не хихикают, матерные шуточки не отпускают. Сомневаться в искренности слов нового главы района они все, наверное, имеют право».

Бурмистров перешел к выражению некоторого недовольства работой местного управления внутренних дел. Мол, мне видятся такие-то и такие-то недостатки.

Он высказывал, в общем-то, довольно глупые замечания. Видно было, что работы полиции Бурмистров не понимает, судит о ней с точки зрения простого обывателя. При его

должности стоило бы понимать, какие вопросы зависят от начальника УВД, а какие – исключительно от самого министерства. Например, количество постов и маршрутов патрулей Игнатович самостоятельно увеличить может, но не до бесконечности. Потому что все упирается в штат сотрудников, который он увеличить никак не может. Штат расписан исходя из численности жителей и площади административного района.

Глава 3

Они шли по подсохшему асфальту и молчали. Вечер был теплый и тихий. Уже пахло весной, и эти запахи будили легкое томление в груди. Им было лет по шестнадцать или семнадцать. Наверняка старшеклассники, но он, высокий, статный, со спортивной фигурой, старался выглядеть мужчиной. Парень нравился красивой стройной девушке, явной отличнице. Женщины по-особенному смотрят на мужчин, которые им симпатичны. В этих взглядах есть одобрение и чувство собственности. Влюбленные мужчины поглядывают на своих избранниц с обожанием. Женщины умеют смотреть сверху вниз, даже если намного уступают в росте.

– Я устала, Матюша, – произнесла девушка. – А завтра вставать рано.

Парень бросил быстрый взгляд по сторонам и взял девушку за руку.

– Пойдем где-нибудь посидим, – предложил он тоном, который не совсем вязался с его плечистой фигурой.

– Холодно еще на лавках сидеть, – мягко высвобождая руку, ответила девушка.

– Оля, ты чего? – Парень нахмурился. – Тебе неприятно, когда я тебя за руку беру?

– Приятно, – смутилась девушка. – Только люди могут увидеть.

– И что? Съедят они тебя, эти люди?

– Ты не понимаешь. Увидит кто-то из знакомых, отцу расскажет. А он на этот счет строг. Все считает меня маленькой девочкой.

– Какая же ты маленькая? – Парень как-то напряженно рассмеялся и потянул спутницу за локоть на боковую дорожку парка. – Ты взрослая, красивая девушка. У тебя есть парень. Мы любим друг друга. Ведь так?

– Да. – Девушка улыбнулась и позволила увлечь себя в сторону небольшого темного строения, прятавшегося в глубине парка.

– Ну вот. – Матвей перешел на шепот, взял Ольгу за плечи и повернул лицом к себе. – Теперь нас никто не видит. Тебе нечего бояться. Замерзла?

Он прижал ее к себе, обхватил обеими руками и зарылся лицом в волосы. Девушка смущенно опустила голову, но Матвей нагнулся и приник к губам жадным горячим поцелуем. Он чувствовал, как приоткрывается ее ротик, как она начинает тяжело и прерывисто дышать. Ему всегда нравились эти мгновения, когда он ощущал возбуждение и понимал, что Оля тоже испытывает нечто подобное.

Рука Матвея сползла с ее плеча, опустилась на грудь. Но ткань куртки мешала, и он потянул вниз язычок «молнии». Теплота и мягкость тела встретили его, заставили застонать и еще сильнее впиться в ее губы. Мягкая и упругая спина девушки выгибалась от его прикосновений. Черт, сколько он

отдал бы за то, чтобы остаться с ней наедине, в теплой квартире, чтобы можно было!..

Чисто интуитивно Матвей догадался, что нужно остановиться именно сейчас, чтобы осуществить свою мечту и не дать Оле догадаться о его истинных намерениях. Он вытащил руку и стал покрывать лицо девушки нежными поцелуями.

– Если ты устала, то давай я провожу тебя домой, – предложил Матвей. – Так хочется посидеть с тобой на уютной кухне под абажуром и попить сладкого чая.

– Хорошо придумал, – прошептала Оля. – Я тоже сейчас о горячем чае подумала.

– А отец не выгонит?

– Он сегодня на дежурстве и вернется поздно ночью. Пошли, погреешься.

Матвея теперь жутко трясло. Озноб овладел почти всем его телом. Оля заметила состояние парня и решила, что он и правда сильно замерз. Он шел и уже представлял, как начнет ласкать девушку, как снова сольются их рты в безумных поцелуях, как его руки…

Они подошли к дому, молча поднялись по лестнице на третий этаж. Щелкнул замок, и квартира встретила их теплом. Замечательно было ощутить его после холода ранней весны. Да, именно живое тепло жилья, а не просто какого-то протопленного помещения. Например, в котельной или сушилке тоже не холодно, но жар там какой-то… специфиче-

ский. А еще многие замечают, что с присутствием человека в доме становится теплее, если даже температура батарей отопления не изменяется.

Матвей глубоко вдохнул. Ему нравилось в этой квартире. Все вещи тут знали Олю, постоянно окружали ее. Здесь царил ее запах, хотя ощущался и дух мужчины, причем курящего. Но Матвей сейчас испытывал нежные чувства даже к застарелому табачному перегару.

– Пойдем на кухню, – заявила девушка и улыбнулась, когда Матвей всунул ноги в отцовские тапочки.

– Давай сначала погреемся, – прошептал юноша дрожащим от нетерпения голосом и потянул Олю в темноту комнаты. – Говорят, что ничего так не согревает, как человеческое тепло. У таежных охотников и народов Севера есть такой способ…

Матвей болтал, путаясь в мыслях и прижимая к себе Олю. Девушка сначала смеялась и шутливо вырывалась из его объятий, но когда он нашел своими губами ее губы, она вдруг притихла, потом слабо ответила. Мир перестал существовать для Матвея. Была только она, лишь ее дурманящие, мягкие, влажные губы, вкус и запах дыхания. Он обнимал девушку, чувствуя мягкое податливое тело. Матвей не ощущал ни единой косточки, как будто Оля была создана из одной мягкой плоти.

Они не заметили, как очутились на диване. Шерстяная водолазка на Оле оказалась вдруг завернутой под самый под-

бородок. Рука Матвея, дрожащая от возбуждения, несмело, но жадно гладила ее грудь. Он перебирал пальцами кружева лифчика, трогал набухшие сосочки, которые так замечательно проступали сквозь ткань. Матвей гладил ее животик, грудь, плечи, дрожал от желания опуститься ниже. Парень жутко хотел, чтобы в этот момент на Оле был надет домашний халатик или хотя бы обычное платье, юбка. Он желал почувствовать под своей ладонью тепло ее бедер, провести по ним рукой.

Оля задохнулась. Она дрожала всем телом, постанывала, вбирая в себя широко раскрытым ртом губы Матвея. Девушка таяла от его прикосновений, сходила с ума от неимоверного удовольствия и ощущала страх. Ведь самое запретное было так близко! Она понимала, что еще чуть-чуть, и…

Входная дверь громко хлопнула, в прихожей послышалось мужское покашливание. Оля тихо пискнула, оттолкнула Матвея, поправила водолазку и волосы. Она вскочила с дивана и бросилась к выключателю, который слишком громко щелкнул в тишине.

Матвей стоял посреди комнаты столбом и не знал, куда девать глаза. Отец Ольги с майорскими погонами на плечах хмуро сверлил его взглядом. Все было очевидно. Взволнованный вид дочери и этого высокого парня. Ее припухшие губы, краска, заливавшая половину лица!.. Оля выглядела так, как будто только что вышла из парной.

– На сегодня свидание окончено! – хрипло, властно сказал

отец девушки и кивнул на входную дверь. – Марш!

Матвей криво усмехнулся и боком протерся мимо него. Он торопливо обувался в прихожей и слышал, как мелодичный девичий голос что-то говорил с укоризной. Юноша схватил с вешалки свою куртку и выскочил из квартиры. Он трепетал, был доволен и огорчен одновременно. Матвей только что ласкал ее тело, до сих пор ощущал на своих губах вкус ее губ, чувствовал запах возбужденного дыхания. Он осторожно провел по губам языком, как будто целуя при этом Олю, тихо засмеялся и стал спускаться по лестнице.

– Что это за тип такой? – неприязненно осведомился отец, глядя на дочь.

– Папа, почему же сразу тип? – Оля смущенно улыбалась, хотя и не знала, куда при этом девать глаза. – Он из нашей школы и из приличной семьи.

– Не рановато, а? Не ожидал я такого, девонька, не думал, что тебя так рано потянет на мальчиков.

– Папа! – крикнула Оля, и из ее глаз брызнули слезы. – Что ты такое говоришь?! Как тебе не стыдно! – Она закрыла лицо руками и бросилась в ванную.

Отец понял, что сейчас дочь запрется там, потому что уединиться в однокомнатной квартире было больше негде. Такую истерику он видел впервые, и ему вдруг стало страшно. Отец схватив дочку за руку, притянул к себе и стал сбивчиво и горячо говорить о том, что волнуется, боится за нее. Он повидал на свете столько грязи, что хочет любыми спо-

собами уберечь от подобной мерзости единственную дочь.

– Почему ты обязательно думаешь о грязи, считаешь, что произойдет самое плохое? – сквозь слезы прокричала Оля. – А если мы любим друг друга? Вдруг это серьезно и на всю жизнь. Матвей не проходимец и не подонок, с которыми ты постоянно общаешься. Он хороший парень! Его отец – глава нашего района! Так что не волнуйся насчет порядочности этой семьи.

– Вот это меня и беспокоит, – гладя дочь по голове, проговорил отец, который чувствовал, что девочка начинает успокаиваться. – Эх, если бы ты знала, что как раз среди этих вот чиновников меньше всего порядочных людей. Поверь мне, дочка, не попадают они туда. Чтобы получить такую должность, нужно совершить много не самых порядочных поступков. И голоса всякими обманными путями получить, и обещания раздать, заведомо невыполнимые, и еще много чего.

– А вдруг как раз этот и есть порядочный? – капризно выкрикнула Оля.

– Разберемся, – угрюмо ответил отец.

– Вот тут и посидим! – Алена потянула подругу за руку.

– Умираю, хочу хорошего кофе, – томно заметила Мария, послушно поднимаясь по ступеням, ведущим в дорогое кофейное заведение. – Я даже представить себе не могу, что когда-то запросто пила растворимую бурду.

Они уселись за дальний столик, и Алена тут же закурила

сигаретку.

– Так я не поняла, ты Гурова или все так же Строева? – спросила она.

– Увы, Аленка. – Мария развела руками. – Сценическое имя надо беречь. Издержки профессии, от которой ты сбежала. Не скучаешь?

– Да ладно! Черт с ней, с профессией. Живем, наслаждаемся. Если когда и шевельнется внутри червячок, то я первым делом вспоминаю про голодных и бесталанных актеров, а не о звездах. У меня сразу пропадает желание возвращаться в артистки. Это же надо сразу становиться частью богемы, вырабатывать свой оригинальный взгляд на мир, на чье-то творчество и на искусство вообще, окружать себя поклонниками, ценителями и единомышленниками.

– Глупости ты говоришь! – Мария засмеялась.

– Наверное. – Аленка вздохнула. – Ты же вон за полицейского замуж вышла, и ничего. А что, он и в самом деле тебя так любит, что даже не ревнует?

– Ой, брось, Аленка. Нам с тобой не по двадцать лет.

– Вот как раз поэтому, – многозначительно ответила подруга. – Ты погляди, сколько вокруг приличных состоятельных мужиков. Тут хочешь или нет, а заставишь приревновать. Не удержишься.

Мария чисто машинально глянула по сторонам. Под навесом действительно сидели несколько мужчин. Одни с дамами, другие с приятелями или деловыми партнерами. У этого

вон часы долларов за восемьсот, а у того ботинки за триста.

Тут из-за соседнего столика до нее долетели обрывки беседы. Мужчины вели напряженный разговор, но их лица оставались бесстрастными.

Один – лет сорока пяти, сухощавый, с брезгливыми складками возле уголков рта. Этот привык повелевать, всех наклонять и строить. Он легко оперировал дежурными фразами про социальные обязательства и политику, что наводило на мысль о его принадлежности к чиновничьим кругам, причем явно не районного масштаба.

Второй – коренастый, в дорогом летнем костюме. Он был немного помоложе. Взгляд у него цепкий, колючий. Ясно, что в характер этого человека въелась привычка решать, пробивать, находить выход из сложных ситуаций. Этот делец умел управлять, прошибать стены хоть своим лбом, хоть чужим. Мужчины спорили.

Аленка болтала о своих делах, рассказывала, как сложно найти хороших специалистов. Именно эта проблема и навела ее в свое время на мысль открыть школу по подготовке мастеров для салонов красоты.

– Ты представляешь, Маша, я ее научила, фактически помогла наработать постоянных клиентов, а она хвостиком вильнула и улетела в другой салон. Туда, где дура-управляющая ей пообещала такой высокий процент, который ни один работодатель не выдержит. Каков результат? Салон развалился, ей ко мне возвращаться не хочется, она теперь дума-

ет, что все может и умеет. Эта подруга начинает работать на дому. Клиентура не растет, мастерство падает. Умные же девочки сидят и не дергаются. Я их на семинары отправляю, они у меня каждый год квалификацию повышают.

Маша слушала, поддакивала, а сама никак не могла отвлечься от разговора двух мужчин.

«Жизнь с сыщиком, что ли, на меня повлияла? – думала она. – Какое мне дело до этих разговоров? Какая-то дележка земель, отвод территории под строительство коттеджного поселка. Естественно, обещание хороших откатов, но это уже у всей страны на слуху. Ого! Угрожает! Спорят, кто из них сильнее. Ничего себе! А это уж слишком откровенно».

– Ну что же. – Гуров откинулся на спинку кресла и с откровенным интересом посмотрел на подполковника Рогозина. – Проверку я закончил. Прошу расценивать как жест доброй воли тот факт, что я познакомил вас с перечнем нарушений, по которым будет приниматься решение в Москве.

Рогозин смотрел на стол перед собой и тихонько барабанил по нему пальцами. Чувствовал он себя сейчас явно не очень уютно. Кому же при его должности и звании приятно выслушивать замечания и краснеть как мальчишке!

– Нарушение сроков по вашему управлению почти стопроцентное, – стал перечислять Гуров. – Минимальное время принятия решения о возбуждении уголовного дела либо об отказе в этом составляет не менее двенадцати дней. Это вопиющее нарушение УПК. Причем ваши работники даже

не особенно пытаются подчистить документы. Периодически выплывает, что заявления от потерпевших поступили на несколько дней раньше, чем были зафиксированы. Ведение дел безобразное, использование денежных средств на специальные цели не контролируется вообще.

– Да, Лев Иванович, – со вздохом ответил Рогозин. – Вы правы, тут я виноват. На сложности в работе ссылаться глупо, потому что у всех в уголовном розыске она такая, по всей стране. Если честно, то закрутился, пытаюсь сам до всего добраться, лично вникнуть, вот времени на контроль и не хватает.

– Перестаньте, Рогозин! – Гуров поморщился. – Вы человек с высшим специальным образованием. Вы прекрасно знаете, что важно не ваше личное участие. Вы должны организовать систему управления оперативно-разыскной работой и контроля за деятельностью оперативных подразделений на местах. Если вы большую часть своего рабочего времени тратите на личное ознакомление с конкретными делами, то грош вам цена как руководителю. Вы, может быть, хороший опер, даже отличный, но не руководитель. Я в Боброво не нашел ни одного дела на выявленную преступную группу. Так не бывает, Рогозин, и вы это знаете.

– В смысле?.. – Подполковник поднял глаза, явно продолжая думать о чем-то своем.

– В смысле, что дурость тянет молодежь на поиски приключений. Очень часто формируются потенциально опас-

ные группы, склонные к совершению преступлений. Входят в них и взрослые люди, но чаще всего в районах с неблагополучной социальной обстановкой, с низким уровнем дохода населения. Такие группы каждый оперативник засекает по пять раз в год. И самое первое, что он должен сделать…

– Вовремя зафиксировать, – угрюмо, как школьник у доски, ответил Рогозин. – Принять меры к разобщению группы.

– Еще бы вы этого не знали! – Гуров хмыкнул. – Еще вам, опытному оперативнику, хорошо известно, что такими делами очень легко себе плюсовых баллов в работе добавить. Пойди докажи, что там ничего серьезного и не наклевывалось. А ты получил агентурные данные, принял меры, справился с ситуацией. Важнейшее дело – профилактика. А у вас даже проверки поднадзорных проводятся раз в год. Курорт, а не уголовный розыск.

– Лев Иванович! – морщась как от зубной боли сказал Рогозин. – Я понимаю, что выгляжу не с лучшей стороны, но поверьте, что тут речь идет просто о халатности, а не о чем-то большем. Это просто недочеты, которые можно исправить. Если это для вас важно, то прошу мне поверить.

– Значит, петух нужен был, чтобы в зад вовремя клюнул, – вздохнул Гуров. – Дубина понадобилась, чтобы по затылку тюкнуть. Вы ведь умный человек, Рогозин, хороший оперативник. Я в самом деле вас помню. Что с вами случилось? Кресло начальственное засосало?

– Можно откровенно, Лев Иванович? – вдруг спросил Ро-

гозин вполне серьезно.

– Нужно, – отрезал Гуров.

– Именно откровенно. Как с человеком, которого я безмерно уважаю. Мы ведь все у вас учились, Лев Иванович. Ваши дела вошли в анналы МУРа, о них в академии на занятиях рассказывают. Поэтому я с вами так и говорю. С другим откровенничать не стал бы, а с вами можно. Я в органах шестнадцать лет, Лев Иванович, и милицию, и полицию прошел, с самых низов начинал. Теперь шаг до полковника, есть шанс получить от своего начальства направление в академию… – Рогозин махнул рукой и отвернулся к окну.

Гуров с сожалением посмотрел на подполковника, выдержал паузу в пару минут и наконец сказал:

– Ясно. Это не новость. С таким явлением я сталкивался очень часто и почти повсюду. Человек стоит перед выбором: либо хорошие отношения с начальством, гладко текущая карьера, либо профессионализм, принципиальность и чувство долга, ответственность за присягу, принесенную один раз, честь офицера. Видите, как мало я перечислил того, что лежит на одной чаше весов, и как много важного уместилось на второй. Но она не перетянула первую, карьерную. Вот что обидно и горько.

– Самое обидное и горькое состоит в том, что моя принципиальность не дала бы никаких результатов, если бы я ее проявил. От меня избавились бы, а на мое место поставили бы другого, куда более покладистого. Все осталось бы по-

прежнему. Только он полез бы в гору, а я нет. Наверное, вы меня не сможете уважать, Лев Иванович. Я поддался обстоятельствам, решил устроиться в этой жизни. Да, это выглядит некрасиво, особенно со стороны знаменитого борца за справедливость и закон. А как с точки зрения моей жены и двух подрастающих дочерей?

– Вы мне сейчас начнете рассказывать, что все, вами содеянное, было предпринято во имя вашей семьи.

– Слово-то вы какое подобрали: «содеянное».

– Как оно звучит в Уголовном кодексе, так я его и произнес. В том же самом смысле. Преступное деяние по российским законам – это как действие, так и бездействие. Вы не забыли?

Рогозин промолчал, продолжая постукивать пальцами по крышке стола. Было очевидно, что он не ждет руки помощи, уже готов нести наказание за результаты своей работы.

– Хорошо, подполковник Рогозин, – тихо сказал Гуров, как будто говорил сам с собой. – В этой ситуации можно поступить и иначе. Хотите вернуться в когорту честных и принципиальных людей? Если желаете, то я вам помогу сперва выбраться и из этого болота, а потом его же и осушить, образно говоря.

Рогозин метнул на Гурова горящий взгляд.

«Подполковник собран и деловит, – подумал Лев Иванович. – Наверное, таким он себя чувствовал когда-то, в бытность свою молодым лейтенантом, простым сыщиком. Мало

опыта, но много гонора и желания переделать весь мир по образу и подобию… закона. Жаль, что это состояние души у многих со временем проходит. Хорошо, что оно не всегда исчезает до конца. Этот подполковник еще инфицирован вирусом честности. Он по своей натуре не негодяй».

– Что вы хотите этим сказать? – спросил Рогозин.

– Я хочу, чтобы на вашем месте сидел человек, на которого я мог бы положиться как на самого себя. Он должен быть хорошим профессионалом. Во второй части вы меня устраиваете, а что нам делать с первой?

– Вы хотите дать мне шанс?

– Хочу, – кивнул Гуров. – Я привык спасать людей от самих себя и от зла. Вас еще можно выручить, но только с вашей же помощью. Тащить бегемота из болота я не намерен. Сил не хватит. А вот человека, желающего выбраться, вполне смогу вытянуть. Запоминайте, что мне нужно от вас, чтобы отстоять в главке вашу фигуру, исправить положение в оперативно-разыскной работе в области и остаться в уверенности в том, что в ближайшие годы она здесь будет вестись с надлежащим рвением и умением. На это вам ночь, Рогозин. К утру я жду от вас три рапорта, которые увезу в Москву и положу на стол руководства вместе со своими комментариями. Первый – анализ недостатков в работе оперативных подразделений области. Второй – ваши предложения насчет кадровой политики в подчиненной вам структуре. Третий, как вы понимаете, должен касаться тех лиц, которые мешают

вам работать. Только аргументированно.

– Вы понимаете, Лев Иванович…

– Понимаю! Да, рапорт довольно неприятный, с душком. Вроде как подсиживание своего начальства. С другой стороны, ваша деятельность тоже пахла не очень приятно. Выбирайте. Но я вам гарантирую, что рапорта ваши будут рассмотрены внимательно. Информация не выйдет из одного важного кабинета. Если такое произойдет, то за этим последует самая тщательная проверка вашего управления. После нее заведомо полетят погоны, и вам уже ничего не будет грозить.

– Я согласен, – заявил Рогозин.

Гуров вышел из здания и посмотрел на темнеющее небо.

«Вот и заканчивается командировка, – подумал он. – Дела в области обстоят, если честно, хреново. Здесь цветет криминал. По всей стране распустили крылья самарские предприниматели, скупающие на корню остатки заводов, целых промышленных зон. На этих площадках в огромном количестве строятся торгово-развлекательные комплексы, элитное жилье. Деньги качаются насосами».

Гуров спустился по ступеням и вышел из-под большого козырька, нависающего над парадным входом управления внутренних дел. Он неторопливо шагал по улице и размышлял о том, что если генерал Орлов согласится, то можно будет устроить здесь чистку. Для этого придется воспользоваться поддержкой и помощью таких вот людей, как этот Ро-

гозин, которых еще можно вернуть в свои ряды. Но может случиться так, что даже у генерала Орлова не хватит веса на то, чтобы инициировать и провести такую чистку. Как правило, за таким бизнесом стоят очень и очень влиятельные люди.

Гуров вытащил мобильный телефон и набрал номер жены:

– Привет, Маша. Как вы там сегодня развлекались?

– А что это ты так заинтересовался? – ответил веселый голос жены.

– Я закончил свои дела. На завтра нам берут билеты на самолет. Есть предложение отметить это дело с твоей подругой в приличном кафе с хорошей кухней и благородными напитками.

Аленка заявила, что не является любительницей респектабельных заведений. Хотя вполне могло быть, что она взглянула на ситуацию с высоты своего предпринимательского положения и решила просто не вводить в огромные расходы своих гостей, относящихся к скромным социальным слоям. Полковник, пусть даже несущий службу в одном из центральных ведомств, получает не самый большой оклад. Актриса столичного театра – тоже. Их деньги не могут сравниться с доходами преуспевающей бизнес-леди.

В результате местом проведения прощального ужина оказалось вполне приличное и демократичное кафе на набережной. Там было много как молодежи, так и более зрелых пар.

Немного громковата была музыка, льющаяся из музыкального центра над стойкой бара. Но Гуров решил, что это даже удобно. Можно не отвечать на половину шуток Аленки под предлогом того, что из-за шума не разобрал смысла.

Аленка и правда довольно быстро привела себя во фривольное состояние. Она раскраснелась от выпитого алкоголя, громко хохотала и откровенно флиртовала с Гуровым. Хорошо еще, что Алена не нуждалась в ответной реакции мужчины. Она просто наслаждалась баловством. Маша с пониманием улыбалась и подыгрывала подруге.

– Слушай! – Мария наклонилась к мужу, когда Аленка удалилась попудрить носик. – А область-то не очень.

– Что случилось? – Гуров поднял брови.

– Разговор один вспомнила. Зашли с Аленкой в одно приличное заведение хорошего кофе выпить, и я услышала, как двое мужчин в дорогих костюмах быковали.

– Маша! – Гуров не удержался от смеха. – Ты где слов таких набралась? Я, кажется, дома ничего такого не употребляю.

– На досуге пытаюсь понять среду, в которой вращается мой муж, – тоже со смехом ответила Мария. – Эти двое откровенно друг другу угрожали. Спор у них вышел из-за дележки каких-то земель. Я так поняла, что один из них – владелец строительной компании, а второй – чиновник высокого полета, который этой землей распоряжается. Неплохо, да? Средь бела дня такие разговоры слышать!..

– Интересно! Если ты говоришь, что один из них мог оказаться чиновником, то это областной уровень. На районном землей не распоряжаются. А строитель что хотел? Жилье строить и продавать?

– Наверное. – Маша пожала плечами. – Я это рассказываю к вопросу о твоей проверке.

Гуров кивнул и поморщился. Сейчас ему не хотелось размышлять об этом. Если все время думать о грязи, то можно забыть, что в мире существуют красота, любовь и много других приятных, интересных явлений и чудес.

Вот, например, идет одно из них. Гуров поймал взгляд жены и кивнул на проход между столиками, где, искусно виляя бедрами, шла подвыпившая Аленка.

Неудивительно, что на женщину оборачивались. Стройная фигура, великолепные длинные ноги, роскошные волосы, весьма легкомысленная короткая юбка и свободная блуза. Одна до предела открывала ноги, вторая – грудь. Не заметить этого было невозможно, тем более если ты немного выпил. Мужики замечали, да еще как!

Аленка прошла провокационной походкой мимо шести столиков. Только посетители, сидевшие за одним из них, не проводили ее голодными похотливыми взглядами. Это были женщины. Они смотрели на Алену с явным негодованием и немалой завистью. Ишь, шлындает тут! Мужики даже протрезвели, глядя на ее ляжки! Где уж нам со своими расплывшимися ходулями!..

А вот это было уже слишком! Здоровенный парень в темных очках вдруг схватил Алену за руку и рывком опрокинул ее себе на колени. Подвыпившая подруга Марии попыталась свести все к игре, но парень держал ее крепко. Потом он развел руки Алены, приник лицом к ее декольте и начал возить губами по открытой коже. Тут уже женщина стала вырываться не на шутку, но в зале никто не сделал попытки осадить наглеца.

Гуров поднялся из-за столика, мысленно оценивая свои шансы. За столом трое парней, и только один из них не выглядит здоровяком. Выпили они прилично, значит, здравому смыслу там делать нечего. А он без формы и оружия. Удостоверением в такой ситуации размахивать, только усугублять положение.

«Выходит, придется морду бить, – решил Гуров. – А физическая форма у меня уже далеко не та, что была прежде».

Мария тоже поднялась, но супруг резким жестом велел ей оставаться на месте.

– Эй, весельчаки! – рявкнул Гуров, чтобы перекричать музыку. – Отпустите женщину.

Алена еще сильнее забилась в руках пьяного парня, а тот повернулся к незнакомому мужчине и сладострастно погладил бедро своей пленницы. Он явно нарывался на скандал, не видя серьезной угрозы в этом крепком, но уже немолодом человеке. Гуров неторопливо подошел и потянулся к парню.

Как и следовало ожидать, тот ударом наотмашь решил от-

бросить руку незнакомца от себя, но Гуров этого и ждал. Он мгновенно перехватил кисть парня и вывернул ее, одновременно задирая вверх. Хватка ослабла, Алена вырвалась и отбежала в сторону. В зале стало тише, хотя музыка продолжала орать.

Второй парень не удосужился даже встать. Он решил пнуть Гурова ногой в область бедра. Но движения его были расслаблены алкоголем, и нужной реакции этот тип не продемонстрировал. Нога пролетела мимо, в результате чего парень чуть не свалился со стула.

– Угомонились все! – снова прикрикнул Гуров. – А ее больше не трогать! – С этими словами он отпустил руку первого парня и повернулся, чтобы уйти.

Тут этот деятель вскочил на ноги, с завидной ловкостью схватил свой стул и занес над головой. Гуров отшатнулся в сторону в самый последний момент. Стул чуть задел рукав его рубашки и с грохотом обрушился на деревянные доски, которыми были выстелены полы в кафе. Он треснул и развалился на две половинки, задев людей, сидевших за соседними столами. Многие с криками вскочили на ноги, и пространство вокруг Гурова и трех его противников мгновенно опустело.

Парень, не снимая черных очков, кинулся на полковника и нанес два быстрых, довольно умелых удара. Но он атаковал с широким замахом и сбоку. Сперва Гуров увернулся, потом блокировал выпад предплечьем. Вслед за этим он сильным

тычком обоих кулаков отшвырнул противника от себя. Парень налетел на столик, ушиб поясницу и разразился грязной матерщиной. Гуров ожидал, что двое его друзей сейчас начнут заходить с боков, чтобы напасть одновременно втроем, но тут через низкий парапет ограждения кафе буквально перелетело человеческое тело.

Второй парень обернулся, взбрыкнул ногой, пытаясь ударить нового противника, но тут же попался в захват. Он перевернулся через голову, грохнулся на пол и сложился пополам. Его приятель отбросил в сторону темные очки и встал в бойцовскую стойку, но мгновенно получил сильнейший удар ногой в грудную клетку. Его тело перевалилось через стойку ограждения и растянулось снаружи на тротуарной плитке. Их худощавый приятель попятился назад, а потом бросился бежать.

Смущенно улыбаясь, капитан Седов поднял с пола свою фуражку и принялся ее отряхивать. Музыка утихла, а посетители начали обсуждать короткую драку. Кто-то стал помогать хулиганам подниматься, но те только шипели, ворчали и злобно поглядывали на полицейского. Гуров махнул на них рукой, решив, что лучше дать им уйти спокойно. В следующий раз будут думать, что среди людей, окружающих их, всегда сможет найтись хоть один, который умело даст им отпор.

– Где ты так научился драться, Алексей? – поинтересовался Гуров. – Вот уж никак не ожидал от хозяйственного

работника такого мастерства.

– Вообще-то я всегда занимался спортом. Был чемпионом своего курса, а у нас там кроме кандидатов было еще двое мастеров спорта и…

– Ладно, – прервал Гуров капитана и повернулся к женщинам. – Пойдемте отсюда. Вечер все равно испорчен.

Гуров сразу понял, что возбуждение, написанное на лице Седова, было связано не только с недавней схваткой. Он появился тут совсем не зря.

Когда они вышли из кафе, Лев Иванович замедлил шаг и повернулся к капитану.

– Ну?..

– Час назад убит глава администрации Бобровского района Дмитрий Сергеевич Бурмистров. Меня Рогозин прислал сообщить вам.

– Подробности?

– Глупость какая-то или случайность. Пока известно только то, что по подозрению в убийстве задержан местный участковый.

– Вот что, Алексей, – торопливо заговорил Гуров. – Сопроводи-ка дам домой. Ты охранник хоть куда, а я полетел в управление. Как доведешь до двери квартиры, сразу назад. Понял?

– Так точно! Лев Иванович, куда вы? – успел крикнуть Седов вслед Гурову, который бросился ловить частника. – Я же на машине. Вон наша «Волга» стоит, там Спирин за

рулем.

Не оборачиваясь, Гуров изменил направление и побежал к служебной машине.

Женщины недоуменно обернулись.

– Что случилось? – встревоженно спросила Мария.

– Дамы! – Капитан вежливо улыбнулся. – Мне приказано охранять вас и сопроводить до самого дома. Прошу! Меня зовут Алексей. А Лев Иванович уехал в управление. Там у нас кое-что случилось, в общем, ничего страшного.

– Ничего себе! – Аленка, явно расстроенная, покачала головой. – Убежал как ошпаренный. Ничего страшного. Убили там кого-то, что ли? Ох, Машуня, с самого утра у меня настроения не было. Ладно, Алексей, бери дам под руки и провожай. Дамы не против.

– Леша, а что там случилось? – осторожно попыталась выяснить Мария. – Зачем Льву Ивановичу понадобилось ехать?

– Он же представитель главка, – стал придумывать на ходу Седов. – Поэтому обязан присутствовать. Случилась авария с участием полицейской машины, есть пострадавшие. Придется докладывать в Москву, вот Лев Иванович и поехал.

– Да. – Мария с сомнением кивнула. – Звучит вполне убедительно. А вы, собственно, кто, Алексей?

– Я работаю в хозяйственном управлении, – радостно сообщил Седов. – Не верите? Я вам удостоверение покажу.

Оказалось очень кстати, что он и в самом деле был ра-

ботником хозяйственной части. Окажись Седов сотрудником уголовного розыска, женщины могли бы не поверить, что ничего особо страшного не случилось. Раньше времени распространять информацию о таком важном преступлении было нельзя. Пришлось переводить разговор на другую тему.

– Скажите, Мария, а вы правда актриса театра? – спросил Седов и тут же смутился, потому что вопрос у него прозвучал как-то двусмысленно. – То есть я хотел не так спросить…

– Правда, – прервала его мучения Маша. – Бывает, что сходятся люди таких разных профессий и характеров.

– Я понимаю, – глубокомысленно ответил Седов.

– Я так не думаю. – Мария усмехнулась. – Вы же хозяйственный работник. Вряд ли до конца понимаете специфику деятельности уголовного розыска и людей, которые там служат.

– Ну да, – включилась в разговор взгрустнувшая Аленка. – Суровый полковник и трепетная актриса.

– В том-то и дело, что не такой уж и суровый. Да и я не особо трепетная. Лев Иванович – человек вполне эмоциональный и далеко не черствый. Он умеет ухаживать за женщинами, быть интересным собеседником, умным шутником. Как бы это вам объяснить?.. Просто мой муж, Леша, настоящий мужик, который занимается сложным и не очень благодарным делом. Нет, не потому, что ему так уж нравится ловить и допрашивать всякую мразь. Он таким вот образом очищает от нее землю, поэтому до сих пор и не генерал. Став

таковым, мой Гуров перестанет быть сыщиком.

– Учитесь, Леша! – Аленка засмеялась. – Судьба свела вас с великим человеком!

Глава 4

Рогозин находился в своем кабинете и разговаривал сразу по двум телефонам. Гуров понял, что одна из этих бесед происходила с Москвой. Он подошел к подполковнику и попросил дать ему трубку.

– Полковник Гуров, – коротко сказал сыщик, услышав голос дежурного. – Сообщите генералу Орлову, что я выясняю ситуацию и доложу лично. Прошу пока местное управление не дергать.

Пока Лев Иванович объяснялся, Рогозин закончил свой второй разговор и теперь сидел, сосредоточенно глядя на Гурова. Сейчас в нем явно проявлялся собранный, умный оперативник.

– Давайте, Рогозин! – приказал Гуров. – Излагайте все, что есть на этот момент.

– Бурмистров в сопровождении начальника правового отдела администрации муниципального района объезжал территорию. Недалеко от села Лыково они свернули с шоссе и подъехали к производственным строениям, стоящим отдельно и принадлежащим некой фирме. Там, предположительно, Бурмистров встретился с местным участковым Ершовым, который и произвел смертельный выстрел из табельного оружия. Ершов задержан и дает признательные показания. Мотив – социальная неудовлетворенность и личная

неприязнь к чиновникам. Возможно, на почве профессиональной усталости.

– Ершов? – переспросил Гуров. – Майор Ершов, Лыково, Алексеевское. Странно.

– Простите, что странно? Вы знакомы с Ершовым?

– Было такое знакомство. – Гуров задумчиво кивнул. – Короткое, правда, но очень эффектное. И чем же его чиновники достали?

– Как обычно. – Подполковник пожал плечами. – Наворовали, развалили страну, плевать хотели на страдания простого народа. Короче, все как по писаному. У меня даже первая мысль была, что майор в Интернете начитался всяких грязных статеек.

– Да, неприязнь. Значит, довели майора? Встретил в поле чиновника и за пистолет схватился. Что за разговор между ними был? Каковы показания этого юриста и водителя служебной машины?

– Они ехали на личной машине помощника. Его фамилия Коновалов. Но он не присутствовал при разговоре, оставался возле машины.

– Нет свидетелей убийства? – Гуров чуть ли не подскочил в кресле. – Поздравляю вас, Рогозин, у нас большие проблемы!

– Лев Иванович, а вы, кажется, не верите в виновность Ершова?

– Да, я не верю, что такой человек, как майор Ершов,

способен на импульсивные выходки, характерные для подростковой неустойчивой психики. Он слишком нормальный мужик для этого. Рассудительный, хладнокровный. Даже немного тугодум, а такие люди за пистолет не хватаются. Майор при мне оказался в по-настоящему сложной ситуации и не достал оружие, а тут ненависть к чиновникам, какой-то разговор, который вывел его из себя. Нет, Рогозин, давайте плясать от печки. Мне нужны протоколы осмотра места преступления, и я хочу сам допросить Ершова.

– Я знал, что вы это скажете. – Рогозин улыбнулся. – Копии протоколов будут чуть позже, но я могу пересказать вам, что следователь увидел на месте. Одна гильза от «ПМ», тело Бурмистрова с пулевым ранением левой верхней доли легкого, обожженные края одежды от выстрела практически в упор. Да, еще показания Коновалова, который никаких криков, споров или звуков борьбы не слышал. Он вообще заявлял, что у Бурмистрова с утра было хорошее настроение, и ничто не предвещало трагедии.

Гуров встал и подошел к окну кабинета. Заложив руки за спину, он покачивался с носка на пятку и думал.

«Сам факт убийства чиновника ничего нового в себе не содержит. Мотивов пристрелить Бурмистрова у участкового не было. Тут ерунда какая-то. Бабу в молодости не поделили, что ли? Чушь! А еще можно было бы говорить о политической конъюнктуре, но это не областной уровень, здесь из-за должности нет смысла убивать. Маленький район, гла-

ва стратегическими вопросами не обременен. Все, что имеет ценность, находится в распоряжении областного правительства. Правильно Маша поняла тот разговор в кофейне, который случайно слышала. Дележка идет на областном и федеральном уровнях. Тогда что такого сладкого в должности главы местного района, чтобы убить предшественника и занять ее самому? Да ничего! Значит, мотив убийства лежит в иной плоскости».

– Рогозин! – Гуров повернулся и подошел к столу подполковника. – Скажите, вы искренни в намерении наладить работу в своей области, если я окажу вам помощь от имени министерства, дам возможность работать и не опасаться мести начальства? Я вам в этом даю слово, а вы?

– Товарищ полковник! – Рогозин поднялся и застегнул китель. – Я даю вам слово офицера. Удержать меня от этого может только вопрос безопасности моей семьи. Если вы гарантируете мне ее, то я на вашей стороне целиком и полностью.

Гуров вытащил мобильник и набрал номер Орлова.

– Алло, Петр! Я не вовремя?

– Что у тебя? – буркнул Орлов. – Что это за фортели со звонком дежурному? Порядка не знаешь? Область должна незамедлительно сообщать о преступлениях такого уровня.

– Петр, продли мне командировку, – твердо заявил Гуров. – Тут все очень непросто. И с убийством, и с областью. Назначь меня куратором от министерства. Приказ желательно прислать в течение…

– Не пори горячку, Лев Иванович! – нетерпеливо возразил генерал. – Какой приказ, какой куратор, когда убийцу фактически взяли с поличным. Там осталась работа следственного управления, а не сыщиков.

– Значит, ты не доверяешь моему опыту, – проворчал Гуров. – Считаешь меня дилетантом, который не способен разобраться в истинных мотивах преступления.

– У тебя что-то есть! – догадался Орлов.

– Петр, я бы не звонил, если бы у меня ничего не было. Продли мне командировку.

– Хорошо. Какая тебе нужна помощь?

– Пока никакая.

– Понял. Прошу докладывать прямо мне раз в сутки о том, что там у тебя происходит.

Ершов вошел в камеру для допросов, глядя прямо перед собой. Выглядел он осунувшимся, усталым и собравшимся в комок. Может быть, это ощущение вызывал старенький застиранный спортивный костюм, в который Ершов был сейчас одет. Гуров уловил, что в майоре нет никакой апатии, а есть только замкнутость. Сейчас он напоминал скорее сжатую до предела пружину, а не спокойного и расчетливого участкового, который способен уговорить даже разъяренного пьяного дебошира отдать ему нож.

– Садитесь, Александр Иванович, – предложил Гуров. – Вы помните меня?

Ершов медленно повернул голову и посмотрел на полков-

ника. Конечно, он вспомнил его. С ним еще капитан был из областного управления. А этот из Москвы, из уголовного розыска. Чувствуются столичные повадки. Ершов молча сел на табурет и стал смотреть на стол перед полковником.

– Александр Иванович! – заговорил Гуров. – Вы меня вспомнили, это ясно. Я представлялся вам тогда, во время нашей случайной встречи. Так что не будем ходить вокруг да около. Я был в вашем районе с плановой проверкой от главка уголовного розыска, узнал о случившемся и задержался, чтобы разобраться. Поверьте, я могу вам реально помочь, защитить и вас, и ваших близких. Я ваше спасение, так что давайте начистоту. Что произошло на самом деле?

Ершов поднял глаза на полковника. В них не было страха, раскаяния, уныния, ненависти. Пожалуй, лишь одно ожидание и терпеливость.

– На самом деле я убил Бурмистрова, – просто сказал он и отвел глаза.

– Вам незачем было его убивать, это во-первых, – возразил Гуров. – Вы не могли его застрелить в состоянии аффекта, потому что не страдаете истерией, являетесь очень выдержанным и хладнокровным человеком. Это во-вторых. Я собственными глазами видел вас в очень сложной ситуации.

– Как же не было мотивов, когда их хоть отбавляй. – Ершов прищурился. – Чиновники довели страну до ручки, тащат ее в пучину, продались американцам, развалили армию, органы внутренних дел. Мотивов хоть отбавляй. Я увидел

вора и убил его из чувства ненависти.

Гуров ясно видел неприкрытый сарказм, откровенную издевку. Но почему этот человек так вел себя? Ответ мог быть только один: он прекрасно знал местные нравы и порядки, лучше других понимал, что никому верить нельзя. До бога высоко, до царя далеко – так, кажется, раньше говорили. Вот и этот московский полковник как приехал, так и уедет.

– Ладно, – согласился Гуров. – Можно ответить и так. Только объясните мне, Александр Иванович, почему же вы раньше никого из чиновников не убивали. Что именно в тот день переполнило чашу вашего справедливого терпения? Почему вы начали осуществлять свой террор именно тогда, не раньше и не позже?

– Так уж вышло. – Ершов нервно дернул плечом. – Слово за слово, и понеслось. Деталей я уже точно не помню.

– Хорошо, – решительно сказал Гуров. – Что вам нужно для того, чтобы вы поверили мне, убедились в том, что я хочу и могу вас спасти?

– Наверное, чтобы вы тоже начали их стрелять. – Ершов улыбнулся одними губами.

Глаза у него так и оставались темными, как будто зашторенными.

– Ладно, я вижу, что вы просто пока еще не готовы к откровенному разговору. – Гуров поднялся из-за стола. – По крайней мере, я посмотрел на вас. Вы на меня. А дальше будем работать. Единственная просьба к вам, Александр Ива-

нович, не спешите на допросах у следователя взваливать на себя сразу всю вину и тщательно вынашиваемый умысел. Ссылайтесь на состояние помутнения, на эмоции, которые взяли верх над разумом. Короче, старательно тяните резину! А я найду способ, как вас вытащить и все расставить по полочкам.

Гуров нажал кнопку на крышке стола.

«Да, пока это только знакомство, – думал он, глядя, как конвойный уводил Ершова в камеру. – Крепкий человек этот майор, но что у него на уме, вот задача. А ведь через сутки следователь его арестует. Ершова поместят в следственный изолятор. А там контингент такой, что всякое может случиться. Значит, надо заставить Рогозина сделать все, чтобы Ершов не попал по чьему-то недосмотру в камеру с уголовниками. Он должен сидеть один. И никаких оперативных разработок в камере! Слишком все предсказуемо! Кому-то нужно, чтобы убийцей считали майора Ершова, а потом тот покончит с собой. Нет! – думал Гуров. – Я вам концы в воду спрятать не дам».

Седов ждал полковника в той самой служебной «Волге», которую Рогозин закрепил за Гуровым.

Лев Иванович вытащил капитана из машины, отвел его в сторону, подальше от чужих ушей, и осведомился:

– Ты, Леша, говорил, что у тебя есть машина?

– Какая там машина!.. – Седов рассмеялся. – «Жигули» отцовские, «семерка».

– На ходу?

– Да, а вам нужна машина?

– Нужна, но только для тебя. То, что я сейчас тебе поручу, Алексей, сделать нужно незаметно, не привлекая к себе особого внимания. Ты должен проехаться по тем населенным пунктам, которые входили в состав участка майора Ершова. Поговори с народом. И с теми, кому он помог в свое время, и с теми, кого наказывал. Не забудь и тех, которые всегда были сторонними наблюдателями и никак участковому на глаза не попадались. Понимаешь, ты должен побеседовать с самыми разными людьми.

– Моя задача: выяснить, что собой представляет участковый уполномоченный Ершов?

– Молодец, схватываешь, – похвалил Гуров. – Характер, манера работать с людьми, принципиальность, нарушал ли закон, пил или нет, хороший участковый или так себе, плохой. Понял?

– Так точно, Лев Иванович, – бодро ответил капитан. – Форму снять?

– Ни в коем случае! – Гуров погрозил пальцем. – Ты в форме, представитель власти, расспрашиваешь про местного участкового. А его кто-то любит, кто-то ненавидит, а кому-то он по большому барабану. С тобой будут разговаривать, ломая голову, а не претендент ли ты на его место. Или, может быть, прислан начальством, чтобы навести справки у населения, как Ершов на самом деле работал. Начнут те-

бе, представителю власти, рассказывать все самое хорошее. Но только те, кто его любил и уважал, кто за него горой. А кто его ненавидел, будут выдумывать всякие гадости и старательно тебе их развешивать по ушам в виде лапши. Уловил принцип?

– Уловил, Лев Иванович.

– Шуруй.

Миша Спирин всю дорогу рассказывал, как и почему у него полетела подвеска в их прошлый приезд в эти места. Какие мастера есть в Алексеевском, как они играючи обращаются со сваркой. Гуров слушал водителя, не перебивая. Сержант Спирин был парнем неплохим, служил водителем уже лет семь, наверняка знал много интересного про местное начальство и про особенности тутошнего житья-бытья.

«Не стоит его обрывать и отбивать охоту болтать без умолку, – решил Гуров. – Один раз сделаешь замечание, а потом, когда понадобится информация, ты из него ее клещами не вытянешь».

– Вон туда. – Гуров показал рукой. – К правому ангару. От машины не отходи, если кто начнет расспрашивать – держись уверенно, даже нагло. Ты из областного управления, с московским полковником приехал, тебе сам черт не брат. А по какому делу тут появился твой полковник, это никого не касается. Пусть сами у меня спрашивают.

– Это уж как полагается. – Спирин рассмеялся, плавно разворачивая машину на еле заметном пятачке примятой

травы.

«Машины, судя по следам, подъезжают сюда не так уж и часто. Из ангаров доносится какой-то гул. Интересно, что тут за производство? Или склады? Заброшенное какое-то все. Наверное, главу местной администрации можно было понять. Не просто так он решил посмотреть это место. Ангары тут стоят, а зачем?».

С этими мыслями Гуров пошел в обход правого ангара. Там, за его задней стеной, и случилось убийство. Он рассматривал рифленые стальные листы с лохмотьями краски, которая в нижней части строения сползла практически полностью. Сухая трава ломалась под ногами, стена местами ощерилась беззубыми щелями в злобной усмешке. Гул, раздававшийся из-за стен ангара, был похож на утробное голодное урчание.

«Эка у меня воображение разгулялось, – подумал Гуров. – Старею, что ли? Я всего лишь иду на место преступления, которых видел в своей жизни тысячи и тысячи. Или это мне теперь все мерещится, потому что я сильно сомневаюсь в реальности происходящего? Подсознание подсказывает? Хорошая штука. Давай намекай, советуй».

Гуров свернул еще раз и остановился у задней стены ангара. Трава на том месте, где лежало тело мертвого чиновника, была основательно вытоптана. Гуров присел на корточки и стал рассматривать землю. Вот и углубление, которое должно было быть лужицей вытекшей крови. Естественно, за сут-

ки его вылизали грызуны, а может, собаки или лисы. Пуля, надо полагать, осталась в теле, а гильзу подобрали эксперты.

«Ладно, результаты всех экспертиз мы посмотрим потом, – решил сыщик. – Сейчас надо бы понять, что и как здесь произошло».

Гуров отошел на пару шагов назад и представил, как могло лежать тело. Сложно сказать. А это что? Гуров снова присел, разглядывая два характерных углубления в земле. Почему-то ему сразу представились обыкновенные старомодные носилки. Он сделал шаг и снова присел. Еще два углубления на том же расстоянии друг от друга. По паре там и здесь, а современные носилки в машинах «Скорой помощи» оснащены колесиками.

«Здесь следов качения нет, – заметил Лев Иванович. – Надо будет уточнить, на чем увозили тело.

Но теперь мне, по крайней мере, понятно, как оно лежало. Ведь носилки обычно ставят параллельно ему. А кровавая лужица из раны в груди должна быть ближе к голове. Вот вам и картина: Бурмистров стоял у самой стены ангара, получил пулю в грудь и повалился на спину. Но упал не под прямым углом, а головой вот сюда. Что это нам дает, кроме того что убийца подошел к Бурмистрову у самой стены? Он шагал вдоль нее!»

Гуров снова присел на корточки и в такой вот позиции добрался до дальнего угла ангара. То, что он разглядел, ему совсем не понравилось. У сыщика возникло ощущение, что

кто-то очень старательно поработал над следами. Что было на ногах участкового, когда Гуров видел его в селе Алексеевском? Форменные ботинки? Нет, самые обычные гражданские, с чуть зауженным носком и на низком каблуке. Не на кожаной подошве, а на полиуретановой, куда более удобной в сельской местности. И выглядят прилично, и ходить удобно.

Ни одного такого следа Гуров не нашел. Зато он видел утоптанную землю со следами волочения чего-то. Мешка, например. Были тут и отпечатки подошв обычных стоптанных кирзачей или рабочих ботинок.

«Ладно, а что тут делал Бурмистров? – спросил себя полковник. – Помочиться хотел или осматривал ангар? Что интересного в этом старом, местами проржавевшем строении? Тем более что оно почти не используется».

Тут Гуров увидел часть стены со следами недавнего ремонта. Стык листов, которые от времени стали прилегать друг к другу не так плотно. Странно, таких мест полно по всему периметру ангара, а большую железную заплатку почему-то приварили именно здесь. Не настолько большую, чтобы подумать, что тут раньше можно было пролезть внутрь, но и не такую маленькую, чтобы ее не заметить.

Гуров двинулся назад вдоль стены в поисках других мест ремонта. Их не было. Хорошо, таковых нет сзади стены, но, может, ремонтировали еще какие-то участки на боковых стенах или на передней? Тогда все было бы оправданно.

Гуров подошел к углу и тут столкнулся нос к носу с высоким крепким парнем. Даже не столкнулся, а буквально напоролся на острый, недобрый взгляд. Парень был не особо широк в плечах, но создавал впечатление жилистого, очень сильного человека. Лицо со впалыми щеками и выступающими скулами было напряженным.

– Вы кто такой? – неприязненно спросил парень, и Гуров очень порадовался, что приехал сюда не в полицейской форме.

– А что за вопросы? – не удержался сыщик. – Вы машину у ворот видели?

– Какая машина? – Парень поднес к губам запястье и Гуров увидел там микрофон коммуникатора. – Серый, что там за тачка у ворот? Ты понял?

О как! Значит, этот человек проявился не из ангара, иначе он сразу заметил бы их «Волгу». Но Гуров никаких отдельных построек для сторожей тут не видел. Напрашивается вывод, что есть еще одна дверь в каком-то ангаре, и охрана периодически делает обходы. Камер наблюдения вроде нигде не видно.

– Так вы откуда и что вам надо? – снова спросил парень все с той же неприязнью.

Сыщику пришлось вытащить служебное удостоверение и предъявить его настырному охраннику.

– Полковник Гуров. Главное управление уголовного розыска МВД России. – Произнесено это было пафосно, но

только желаемого эффекта Гуров не добился.

Парень отреагировал вопросом:

– И что?..

– У вас тут было совершено преступление, убит человек. Я делаю повторный осмотр места происшествия, – строго стал пояснять Гуров, но его опять перебили:

– И сколько можно тут лазить? Все уже осмотрено тысячу раз. Заняться вам больше нечем?

– А вы кто? – перешел Гуров в наступление.

– Сторож!

– А что вы тут сторожите? Производство какое-то или что-то еще?

– Это меня не касается. Мое дело следить, чтобы никто не залез.

– Вы что же, сторожите и не знаете, что находится внутри? Там люди-то работают или это склады? Может, здесь вообще все давно заброшено?

– Обращайтесь к руководству, а я всего лишь сторож, – упрямо гнул свою линию парень.

– А что за организация?

– А я знаю? Я работаю в частном охранном агентстве «Барьер». У них с нами договор. Как правильно это предприятие называется, мне неизвестно. Обращайтесь к начальству.

Позиция этого человека была предельно ясна. Более того, Гуров понял, что легенда составлена отлично. Выяснить что-то не удастся. Попасть внутрь тоже. Почему-то послед-

нее было очень заметно. Гурову, опытному сыщику, показалось, что вся эта конспирация придумана ради единственной цели – никого из посторонних не пустить в ангары.

Причиной тому могло быть лишь нечто криминальное. Производство либо хранение чего-то совершенно незаконного. Наркотики, краденые дорогие автомашины, которые здесь разбирают на запчасти или перебивают номера?

В связи со смертью главы администрации эти размышления стали выглядеть более чем зловеще. И при чем тут Ершов? Продажный полицейский, который крышует этот бизнес, или просто помогает его прикрывать? Бурмистров мог оказаться всего лишь невольным свидетелем чего-то тайного.

Хвост пыли известил полковника о том, что, скорее всего, приехал Коновалов. Тот самый глава юридического отдела, который в злосчастный день был здесь вместе с Бурмистровым. Гуров попросил его прибыть сюда и на месте показать, как все произошло. Охранник тоже смотрел на приближающуюся машину, и на его лице нельзя было прочитать ни волнения, ни досады. Ничего.

Гуров отправился встречать представителя местной администрации, чувствуя себя как под конвоем. Охранник молча брел сзади, излучая немое неудовольствие.

Коновалов оказался крупным мужчиной с мохнатыми бровями и низким важным голосом. В каждом жесте, во всех интонациях чувствовались властность, привычка руко-

водить. Как Гуров успел узнать, Коновалов был одним из старейших работников в районной администрации.

«Наверное, это ценно, когда так долго работает главный юрист, который помнит все решения и постановления», – подумал Гуров.

Коновалов выбрался из синего «Рено» и подошел к Гурову, как будто сразу понял, кто тут полковник, а кто охранник. Юрист протянул лапищу и плотно сжал ладонь сыщика.

«Да, – подумал Гуров. – Фамилия оправдывает хватку. Ему бы коней валить».

– Вы просили приехать. Моя фамилия Коновалов. Егор Владимирович. – Он повернулся к охраннику и коротко бросил: – Я из районной администрации.

– Спасибо, что приехали, – высвобождая руку, сказал Гуров.

Охранник молча удалился, и Гурову не пришлось просить его оставить их вдвоем. Догадливый малый.

– Я хотел бы, Егор Владимирович, чтобы вы мне в деталях рассказали все, что здесь произошло в день убийства Бурмистрова.

– Я, собственно, ничего нового не добавлю, – заявил юрист. – Все есть в моих показаниях следователю. Знаю, надо, но не скажу, что мне это доставит удовольствие. Сами понимаете, столько негативных эмоций на меня навалилось.

– Итак, начнем, – пресек Гуров поток лишних слов. – Вы приехали сюда с какой-то конкретной целью?

– Мы объезжали фермерские хозяйства. Я показывал Дмитрию Сергеевичу самые сильные. А сюда мы специально завернули, чтобы посмотреть возможность восстановления бобрового заповедника. Знаете ли, и экологи наседают, и местное население завалило письмами. Да и самим нам, раз уж взялись руководить районом, хотелось оставить такой полезный след.

– Это там? – Гуров показал в сторону речушки.

– Да. Там и выше по течению. Говорят, что популяцию, если создать условия, восстановить будет несложно. Здесь исконно боровые места.

– Я вас понял, Егор Владимирович, – снова вмешался Гуров, продолжая фиксировать все мимолетные мимические реакции юриста. – Сюда, к ангарам, вас зачем занесло?

– Бурмистров хотел посмотреть и эту территорию. На данном участке степи раньше жили дрофы, а они занесены в Красную книгу.

– Дальше, – продолжил настаивать Гуров. – По чьей инициативе вы подошли к ангарам?

– По его. Он стал говорить, что это хозяйство неплохо было бы убрать отсюда. Вообще непонятно, чего они тут стоят и кто ими пользуется. Мы подъехали. Пока я выходил из машины, запирал ее, Дмитрий Сергеевич пошел вдоль этой вот стены ангара. Я не торопился, потому что и сам хотел рассмотреть эти строения. Пока я шел, за углом раздался выстрел. Я не сразу догадался, что это было, но испугался и

побежал туда. А там Бурмистров лежит на спине. На груди у него кровавое пятно. Майор в полицейской форме стоит с пистолетом, и выражение лица у него такое… злобное, что ли. Тут я и подумал, что мне тоже конец, что это не полицейский, а бандит. Охранник выскочил сзади, пистолет выбил, за руки майора схватил. Да тот уже и сам как-то обмяк, запал у него прошел, стал осознавать, что натворил. Полицию вызвали, только Дмитрий Сергеевич уже и не дышал.

– Кто из охранников прибежал? Не этот ли случайно, который тут стоял?

– Да, этот самый. Его Владиславом называли, кажется.

– А что за контора владеет этими ангарами? Мне этот Владик так и не сказал.

– Организация? Какое-то ООО «Альтернатива», но деятельности они тут практически никакой не ведут. Я так понял, что ангары когда-то построили, а работы встали. Авиационные моторы для частных самолетов они тут ремонтировать собирались, что ли.

– А гудит у них там что? Вроде дизельная электростанция?

– Наверное. Они мне говорили, что по дизелю в каждом ангаре держат для того, чтобы энергии хватало на освещение и для подключения электроинструмента.

– Так из-за чего этот майор застрелил Бурмистрова? – резко сменил тему Гуров.

Однако Коновалов на эту удочку не попался, даже не сму-

тился, ответил как ни в чем не бывало:

– Вроде нервный срыв у этого майора случился. Раньше я его никогда не видел, от Бурмистрова о нем ничего не слышал. Не могу ничего сказать. Мы пока полицию тут ждали в тот день, почти ни о чем не разговаривали. В шоке были, сами понимаете, какая ситуация. А майор этот на земле сидел и голову руками зажимал.

– Хорошо, – кивнул Гуров. – А расскажите мне о том, каким человеком был Бурмистров.

– Вы знаете, товарищ полковник, у меня сейчас времени в обрез. Я кое-как вырвался, чтобы вам все на месте показать, а на долгой разговор как-то не рассчитывал. Может, вечером? Вы ко мне в администрацию приедете, могу и я к вам. Куда мне, в Самару ехать? Я хотел как раз мать навестить, могу заодно и с вами встретиться.

– Хорошо, когда приедете в Самару, сразу позвоните мне на мобильный телефон. Тогда и договоримся, где и как встретимся.

Коновалов торопливо ушел к своей машине, а Гуров, воспользовавшись тем, что никого из охраны не было поблизости, двинулся в обход второго ангара. Как он и ожидал, сбоку имелась еще одна неприметная железная дверь. Судя по тому, как сильно была утоптана здесь трава, ею пользовались очень часто. Гуров решил, что ему придется навести справки об этом предприятии под названием «Альтернатива». Надо узнать, есть ли какая связь между Ершовым и этой конторой.

Если бы Алена и не была владелицей сети салонов красоты, то рано или поздно они с Марией все равно посетили бы какой-нибудь салон. А уж в данной ситуации, как говорится, сам бог велел. Всю вторую половину сегодняшнего дня они посвятили спа-процедурам. Разомлевшая Мария еле передвигала ноги, но Алена предложила не спешить домой.

– Еще насидимся в квартирах, подруга! Ты в своей, я у себя. Твой муж в работу уйдет с головой, а я… сама понимаешь. Если никто из особ противоположного пола не сподобится пригласить выйти в свет, то и кукую дома одна.

– Можно еще допоздна самой пропадать на работе, – предложила Мария, усаживаясь за столик кафе, где, по заявлению Алены, варили самый замечательный кофе. Здесь же можно было выпить настоящего «Ламбруско дель Эмилия Бьянко», дивного белого игристого вина.

– А я пропадаю, Маша, и по вечерам, и днями. Только мужикам не это надо, им не нужна деловая леди. Им баба в доме требуется, а я не такая.

– Запуталась ты, Аленка, – мягко сказала Мария. – Ты просто начинаешь оправдывать себя, понимая, что упустила в жизни что-то важное, самое главное.

– А я пыталась! – нервно закуривая, ответила Алена. – Очень даже. Только один оказался мерзавцем и бабником, а второй – алкоголиком и извращенцем.

– Может, ты не там искала, не в том колодце воду брала?

– Да, надо было обращаться в полицию. – Алена засмея-

лась. – Отхватила бы себе полковника и успокоилась бы. А ты скажи мне, среди полковников не принято женам изменять?

– Полковники тоже всякие бывают, – глубокомысленно заметила Мария.

– Тихо! – Алена вдруг схватила Марию за руку. – А нука, замри, подруга.

Мария сначала не поняла, чего приятельница от нее хотела, а потом увидела Гурова. Ее супруг в гражданском костюме, поглядывая на часы, усаживался за крайним столиком у огромного окна с видом на улицу. Вид у полковника был сосредоточенный и крайне задумчивый.

– Да ладно тебе. – Мария сбросила руку подруги и попыталась встать. – Брось ты эти детские игры.

– А вот проверим, Машенька! – Алена прищурилась, – давай поглядим, какие бывают полковники, настоящие ухажеры и джентльмены. Что, боишься?

– Ничего я не боюсь. Просто неловко как-то и нечестно по отношению к нему. Вроде как мы за ним следим, не доверяем ему.

– А так и есть! – Алена расплылась в хищной улыбке. – Проверим твоего полковника на вшивость. Скажи-ка, что ты будешь делать, если сейчас сюда войдет длинноногое существо с томным взглядом, а твой полковник кинется ей целовать ручку и усаживать за свой столик?

– Нет, Алена, этого не будет! – твердо заявила Маша и

решительно встала.

Тут в кафе вошел крупный, какой-то угрюмый мужчина с лохматыми бровями. Он нашел Гурова взглядом и прошел к его столику. Они не протянули друг другу рук, а стали разговаривать так, как будто недавно расстались, не завершив беседу.

Мария многозначительно фыркнула и снова уселась за столик. Впрочем, Алене было уже не до Гурова. У нее в двадцатый раз за вечер зазвонил мобильник, и она снова окунулась с головой в административные и коммерческие вопросы. Теперь, как оказалось, ей предлагали спонсорство при проведении какого-то важного мероприятия, где нужно было причесать и привести в порядок нескольких ведущих и гостей.

Мария помешивала кофе и смотрела на широкую спину мужа. Она у него надежная, прочная. А ведь был же момент, когда она на долю секунды засомневалась. Вот ведь зараза эта Аленка, смогла пошатнуть веру в порядочность мужа. Мария виновато улыбнулась и мысленно попросила прощения у спины мужа. Потом она стала от нечего делать смотреть на его собеседника.

Гуров был настолько поглощен подготовкой к важному разговору с Коноваловым, что не заметил в кафе жены и ее подруги. Коновалов пришел без опоздания, плюхнулся на стул напротив московского гостя и сразу стал рассказывать. Он как будто демонстрировал, что все это время думал об

их беседе, ни на минуту не переставал переживать по поводу смерти своего начальника и просто хорошего человека. Судя по его словам, Бурмистров был именно таким.

– Вы понимаете, Лев Иванович, за столько лет работы в администрации я повидал много начальников вообще и над собой в частности. Мне есть с кем сравнивать. И я вам скажу, что Дмитрий Сергеевич был человеком незаурядным. Он с первого же дня с таким энтузиазмом с головой бросился в работу, что заразил всех в аппарате этой жаждой. Как будто у коллектива открылось второе дыхание. Мы по-новому посмотрели на положение дел именно благодаря Бурмистрову.

– Свежая струя?

– Не только! Если хотите, то это обаяние настоящего талантливого руководителя. Я видел перед ним большое политическое будущее, и тут вдруг приключилось такое вот несчастье!

– Может, не вы один видели это его будущее? – спросил Гуров, пристально посмотрев Коновалову в глаза. – Может, кто-то еще его заметил и… испугался?

– Да. – Коновалов сразу остыл, немного осунулся и уставился в стол. – То есть нет, конечно. Я понял, к чему вы это сказали. Вам свойственно обвинять и приводить все возможные доводы.

– Это называется отрабатывать все мотивы преступления.

– Конечно. Но дело в том, Лев Иванович, что у Бурмистрова не было врагов. Он ни с кем не ссорился, всех умудрял-

ся убеждать, не ломал людей и ситуаций, не штурмовал проблем, находил взаимоприемлемые выходы.

– Когда же он успел? – с сомнением спросил Гуров. – Бурмистров ведь в должности главы администрации района пробыл, если я не ошибаюсь, всего пару месяцев.

Сыщику опять показалось, что Коновалов смутился.

«Слишком он нахмурил свои брови. Я бы на его месте в этот момент сменил бы тему разговора. Хотя бы его направление, – подумал Гуров. – Что-то я неудобное спросил, а ему это не совсем понравилось. Он явно перехвалил своего покойного шефа, понял это и догадался, что я тоже сообразил. Что теперь?».

– Вы вот о мотивах говорили, – угрюмо продолжил Коновалов. – Я честно вам сказал, что у Дмитрия Сергеевича врагов не было. Я имел в виду его профессиональную деятельность. Есть еще частная жизнь каждого человека, и она порой преподносит нам огромные сюрпризы.

– Я так понял, что у кого-то все же был мотив убить Бурмистрова? – спросил Гуров, чтобы немного сократить количество пустых фраз.

– Был. – Коновалов кивнул и посмотрел московскому полковнику в глаза. – У участкового майора Ершова.

Гуров ждал чего-то подобного, какого-то неожиданного поворота, но чтобы вот так откровенно валить все на единственного обвиняемого!.. Или, вопреки всякой логике, именно Ершов и есть единственный претендент на роль

убийцы? Невероятно. Хотя, если оглянуться на свой опыт, на годы работы в розыске, то можно вспомнить и не такие повороты сюжета.

– А подробнее? – попросил Гуров, ничем не выдав своих мыслей.

– А если подробнее, то у Ершова есть дочь. Большая умница, объективно говоря. Она еще школьницей участвовала в различных олимпиадах и побеждала в них, без проблем поступила в университет. Насчет нее уже есть договоренность, что после третьего курса она едет продолжать учебу в Кембридж. Причем за счет вуза. Ей прочат большое будущее. А у Бурмистрова есть сын, как вы понимаете. Они не просто знакомы, у них любовь. Этот паренек пытался совратить дочь Ершова, а тот их застукал. Вот так, товарищ полковник. Для Ершова вся порода Бурмистровых – враги рода человеческого, олицетворение крушения его идеальной дочери. Не могу судить, но никто ведь не знает, какой у них разговор возник, когда они неожиданно встретились за ангарами.

Для преподавателя вуза идеальные условия, если ему на подготовку нового курса дают год. Но часто бывает, что учебный план приходится менять срочно. Допустим, уходит кто-то из преподавателей. Его часы нужно кому-то отдать или срочно заменить один спецкурс другим.

Лидия Ивановна Смирнова, доцент и заведующая кафедрой экологии, попала как раз в такую ситуацию. Ей приходилось ежедневно тратить по нескольку часов на разра-

ботку курса лекций и семинарских занятий, сопутствующий им. Утвержденная программа, конечно, всегда одинакова, но каждый ученый привносит в нее нечто свое, собственное. У каждого преподавателя вуза свой подход к изложению материала, к построению лекций.

Сегодня в одиннадцатом часу вечера она никого не ждала. Накинув на плечи платок, женщина сидела за компьютером. Она не сразу сообразила, что уже некоторое время кто-то настойчиво жмет на кнопку дверного звонка.

Лидия Ивановна посмотрела на часы, поднялась из-за стола, включила в прихожей свет и приникла к глазку. На лестничной площадке стоял Владимир Константинович Захаров, молодой преподаватель их кафедры и ее коллега по научной тематике. Если бы не двадцать лет разницы в возрасте, то Лидия Ивановна могла бы расценить этот визит весьма однозначно.

– Здравствуйте! – Захаров расплылся в улыбке, когда дверь перед ним распахнулась. – Добрый вечер. Это я ломаю дверь.

– Вы что, выпили, Владимир Константинович? Первый раз вижу вас в таком состоянии.

– А я и есть в первый раз. Не находите, что наш разговор чем-то напоминает диалог из «Иронии судьбы»? Обобрали, подогрели…

– Господи, заходите же. – Женщина посторонилась, пропуская в квартиру коллегу. – Что случилось-то?

– Да вот захотелось поговорить с вами. Как со старшим товарищем.

– Очень деликатно с вашей стороны напоминать мне о моем возрасте, – с иронией сказала Смирнова. – Разувайтесь и проходите на кухню. Я вас буду крепким сладким чаем отпаивать, только сперва компьютер выключу.

– Работаете? – спросил Захаров. – Напрасно. Жизнь надо посвящать удовольствиям, духовному росту, а не заботам о неблагодарной природе.

– С каких это пор для вас, ученого-биолога, природа стала неблагодарной? – возвращаясь, спросила Смирнова. – Это что-то новое в вашем настроении.

– Новое, – повторил Захаров, повесив голову. – Мы с вами привыкли выискивать это новое, а оно караулит нас за другим углом. Зачем мы лезем в природу?

– Мы лезем, как вы это назвали, именно потому, что отвечаем за нее, – тоном педагога заявила Смирнова. – Мы столетиями брали от нее все, что только хотели, а теперь пришло время платить долги. Пора возвращать ей срубленные леса, распаханные степи, чистую воду и воздух, животный мир, который мы искоренили по своей жадности, но большей частью по глупости.

– А она в этом не нуждается. – Захаров расплылся в пьяной улыбке. – Природа нас игнорирует, справится без нашего вмешательства. У нее ведь непостижимый потенциал самовосстановления. Это мощнейший механизм, а мы лезем

со своей смешной помощью. Как с детским совочком туда, где нужны экскаваторы. А еще есть человек. Он тоже является частью природы. С ним как быть?

Лидия Ивановна негодующе покачала головой, наливая в большой бокал крепко заваренный чай, куда она положила еще и толстое колечко лимона.

– А от него ее и надо спасать, – заявила женщина. – Человека и надо учить тому, как обращаться с природой. Мне ли вам объяснять эти вещи! Что-то я вас, Владимир Константинович, не понимаю сегодня.

– А как можно спасать природу от нее же самой? Человек – ее часть, значит, полноправный участник всех процессов. Он запрограммирован, включен в планы природы, а мы этого не поняли. Это симбиоз, против которого мы стали почему-то бороться. Люди схватились друг с другом. Они уже забыли и про природу, и про истоки всего сущего на земле.

– Мы боремся не против человека как такового, а с теми, кто загрязняет природу, убивает ее.

– Да? А с лианами и другими паразитирующими растениями мы почему не боремся? Они ведь тоже душат своих ближних, чтобы подняться над ними, приблизиться к солнцу.

– К чему вы клоните, Володя? Я что-то вас не понимаю.

– А я клоню к тому, дражайшая Лидия Ивановна, что мы не должны добиваться восстановления бобрового заповедника и заказника для дроф.

– Как это? – Женщина опешила, замерла с чашкой в руке, так и не донеся ее до стола. – Вы в своем уме?

– Именно в своем, – ответил Захаров и вдруг показался собеседнице совсем трезвым. – Иначе не говорил бы. Хотите откровенно?

Смирнова почувствовала столько взволнованности в голосе и глазах молодого коллеги, что просто молча опустилась на стул и поставила чашку перед гостем. Что-то в этом визите было не так просто. Не потому, что Владимир Константинович заявился к ней домой в одиннадцать часов вечера и пьяный. Дело было именно в странных его речах.

– Так с чем вы пришли? – тихо спросила женщина.

– Нам не дадут пробить наши природоохранные территории на тех землях, где мы планируем, – жестко сказал Захаров. – Понимаете? Не дадут! А если мы начнем упорствовать, лезть все выше и выше за поддержкой, то просто можем навредить себе. Вы хотите остаться без работы в университете, оказаться никому не нужной? Я не хочу. Я ничего другого не умею, хотя могу, конечно, пойти работать в школу. Говорят, там стали хорошо платить.

– Вам угрожали? – догадалась Лидия Ивановна. – Кто?

– А скажите вы мне, пожалуйста, какая разница? Иванов, Петров, Сидоров! Что от этого изменится? Вам важно, трактор какой марки вас переедет. Легче будет от того, что он произведен в Челябинске? Но есть и другая сторона медали, Лидия Ивановна! Эти люди могут все. Они способны дать

вам гранты, даже заграничные. Вы хотите интересную тему, да такую, за которую вам будут доплачивать немалые деньги? Желаете еще и докторскую защитить по этой же тематике? Три в одном, а? Каково? Деньги, престиж, слава, звания, публикации! Все! А взамен надо просто отойти в сторону и не ковырять ногой в ямке, которую хотят занять другие. Столько лет никому дела не было до этих гребаных бобров и дроф, век бы их не видеть! Еще столько же никому и не будет. Только нам за это хотят еще и заплатить! Понимаете разницу? Вы хотели лабораторию с самым современным оборудованием, заказы от областного правительства? Это вам будет. Деканом хотите стать? Нет! А проректором?

– Убирайся вон, – тихо проговорила Смирнова, стиснув кулачок.

– Что?

– Я сказала, убирайся вон, подонок! – закричала женщина и вскочила так резко, что опрокинула бокал с горячим чаем.

Глава 5

Гуров спустился почти к самой Волге, где его ждал на своей старенькой «семерке» Седов. Капитан с деловитым видом расхаживал около машины, заложив руки за спину. Гуров улыбнулся и замедлил шаг.

«Хороший парень этот Седов, – подумал он. – Кто ему забил голову тем, что служба должна быть удобной и сытной. В его-то годы сидеть в хозяйственной части? Самое время учиться полицейской работе, набираться опыта. Кабинетов и бумажек хватит в старости.

Зато теперь ему будет что вспомнить. Еще бы, он раскручивал дело вместе с полковником Гуровым! Великий сыщик ему доверял, давал самостоятельные задания, советовался с ним. Ишь как он меня, знаменитого московского полковника, глазами пожирает, когда я с ним разговариваю. Эх, юность!».

Седов обернулся раньше, чем Гуров подошел к нему на расстояние брошенного камня. Молодец, помнит про осторожность, не уходит с головой в размышления.

– Ну, Алексей, докладывай, – велел Гуров, похлопал по крыше старенькие «Жигули» и решительно полез на переднее сиденье. – Устал я что-то сегодня. Давай сидя разговаривать.

– Если коротко, то народ не верит в виновность майора

Ершова, – заявил Седов, устраиваясь рядом с полковником.

– Я в этом и не сомневался, – заявил Гуров. – Даже ненавистники, и те не верят, не так ли?

– Вы не поверите, Лев Иванович, но даже те люди, которые имели на него зуб, говорят, что Ершов убить никак не мог.

– Почему же не поверю? Запросто! – проговорил Гуров. – Не первый день в розыске. Повидал я убийц на своем веку. Это если коротко, а если длиннее рассказывать?

– Если длиннее, то еще интереснее, Лев Иванович, – явно горя от нетерпения, заговорил капитан. – Значит, так. Ни один человек в двух селах мне не сказал, что Ершов мог убить. Все уверенно говорили, что Александр Иванович – человек выдержанный, невозмутимый, да и не за что убивать главу района. Две женщины высказались по-иному. Они заявили, что как же надо такого человека, как Ершов, довести, чтобы он за оружие схватился. Вот такое мнение в народе о своем участковом.

– Ладно, я понял. А что ты мне хотел интересного рассказать?

– Про страшное поле, Лев Иванович. То самое, где ангары стоят. Оно, оказывается, тут пользуется нехорошей славой.

– Ну-ка!.. – заинтересовался Гуров.

– Лев Иванович, вы верите в мистику? Вот уж чего не ожидал от вас, – с укором заметил Седов.

– В мистику? – Гуров улыбнулся. – Нет, дружок, в насто-

ящую мистику я не верю. Но за всю мою богатую жизнь я неоднократно становился свидетелем того, что за мистическими явлениями рано или поздно обнаруживались чисто криминальные деяния. Ты не поверишь, как часто людям с криминальными наклонностями приходит в голову таким вот образом маскировать свои преступления.

– Тогда другое дело.

– Рад, что успокоил тебя. – Гуров улыбнулся. – Так что там с этим полем такого загадочного?

– Оно пользуется недоброй славой у местных жителей еще со времен строительства этих самых ангаров. Их ведь поставили для того, чтобы здесь открыть что-то вроде частного аэроклуба, в котором хранились и обслуживались бы личные самолеты бизнесменов. Была когда-то мода на управление маленькими самолетами. Но дальше ангаров дело не пошло, и аэродром здесь не построили. Хотя, как я понял, землю под него уже отвели.

– Ничего мистического пока не вижу, – заметил Гуров. – Скорее наоборот. Все очень реально и по-человечески.

– Мистика была потом. Пошли слухи, что это поле не используется, потому что здесь разбился какой-то человек на самолете. Потом пропал пастух, которого деревенские жители нанимали на сезон. Стадо на месте, оно даже вечером само в деревню вернулось, а пастуха так и не нашли. Это было где-то в девяносто втором году. Потом, спустя пару лет, в той маленькой речушке, которую мы с вами видели, когда у

нас машина сломалась, утонули сразу два местных пацана. А недавно в Лыкове нашли застреленного мужика. Тело лежало возле его же гаража. Причем никто выстрелов не слышал.

– Ну-ну, – с сомнением сказал Гуров. – Где это поле, а где Лыково?! Это же километров пять оттуда.

– Человек, которого застрелили, был в известной степени примечательным. Бывший прапорщик, который всю жизнь что-то доставал и чем-то торговал. Когда расформировали летный городок, этот прапорщик ушел из армии. В последние годы он промышлял цветными металлами. Вечером этот тип куда-то ехал на мотоцикле. Его видел местный пастух. Я узнал бы побольше, народ там словоохотливый, но торопился к вам на встречу.

Гуров несколько минут молча смотрел на небо. Седов поглядывал на него с некоторым благоговением и не мешал знаменитому сыщику думать.

Наконец Гуров подошел к своему помощнику, взял его за пуговицу форменного кителя и сказал:

– Ты прав, Алексей, в этом что-то есть. Давай поступим с тобой следующим образом. Потолкайся в этих гаражах, расспроси мужиков про этого бывшего прапорщика и про обстоятельства его смерти. Пастуха этого потряси, выпей с ним, что ли.

– Может, на это поле с ангарами ночью наведаться? – Седов явно загорелся новым заданием.

– Да боже тебя упаси! – строго сказал Гуров. – И думать

забудь! Я тебе больше скажу: ты разговор веди таким образом, чтобы тебя не заподозрили в проведении дополнительного дознания. Тобой должно двигать простое любопытство. Можешь приврать, что собираешь всякие байки для сборника рассказов-страшилок или мистических историй. Но не более!

– Понял. А вы?

– А мне придется потянуть за ниточку с личной неприязнью майора Ершова к главе района Бурмистрову. Попробую найти способ поговорить с их детьми. Нелепо верить в этот мотив убийства, но если мы хотим иметь основания его отбросить, то нужно отработать версию по всем правилам.

– Стоит ли на нее отвлекаться? Я думал, что вы первым делом отрабатываете самые вероятные версии.

– А ты заметил, Леша, что нам кто-то усердно подсовывает именно этот вариант как основной? Разберемся с тем, кому оно нужно, тогда и продвинемся в расследовании. Это ниточка о двух концах.

Гуров понимал, что не только Седов, но и любой молодой оперативник не смог бы этого сделать. Перед полковником из главка многие двери открываются только благодаря его статусу.

«Но, в конце концов, какой смысл становиться полковником, если это не дает тебе преимуществ в работе? – думал Гуров. – К примеру, сегодня Рогозин сообщил мне номер мобильного телефона Оли Ершовой. Не думаю, что он стал

бы устанавливать его по просьбе капитана Седова из хозчасти».

Гуров позвонил девушке, когда убедился, что к Ершову не пускают посетителей и что ему запрещено получать передачи. Значит, пытаться встретиться с его дочерью в изоляторе бесполезно.

– Оля, моя фамилия Гуров, – сказал он, услышав голос девушки, тихий и тусклый, похожий на грустный колокольчик. – Я из Москвы, полковник, служу в Главном управлении уголовного розыска. Я хотел бы с вами встретиться и поговорить о вашем отце.

– Из Москвы? – оживилась Оля. – По поводу дела моего отца?

– Именно. Только не надо, чтобы кто-то знал о нашей встрече.

– Почему? – тут же испугалась Оля.

– Все очень просто. Есть подозрения, что против вашего отца фабрикуют дело. Я даже не уверен, что он виновен в смерти Бурмистрова.

– Да? А когда мы встретимся? – Девушка заволновалась, явно почувствовала надежду.

Гуров поморщился. Ему очень не нравилось манипулировать вот такими беззащитными и наивными людьми, но иного выхода у него не имелось. Он просто обязан был уговорить Олю на встречу.

– Когда вы сможете. Например, прямо сейчас. Вы дома?

– Вы знаете, я бы не хотела встречаться дома. А почему мне нельзя приехать к вам в полицию?

«Молодец, девочка! – подумал Гуров. – Так и надо. Очень разумно, потому что ты не знаешь, кого впустишь в свой дом. А настоящему полицейскому нечего скрывать. Не надо пугать Олю, пусть у нее в душе остается надежда. В конце концов, для этого есть определенные основания».

– Конечно, – согласился Гуров. – Вы только никому не говорите, что идете в полицию. Я опасаюсь тех людей, кому выгодно сделать вашего отца виноватым. Жду вас через час в управлении Бобровского района. Зайдите в дежурную часть.

Девушка появилась на пороге кабинета, выделенного Гурову, через тридцать пять минут. Юная, с симпатичными ямочками на щеках и задорными кудряшками, она выглядела светлой и чистой. Гурову показалось кощунственным заводить с этой девчушкой разговор о растлении, о мести ее отца папаше ухажера. Но это часть работы, и ее надо делать. Особенно приятно потом бывает осознавать, что такие вот неприятные беседы, грязные темы, которые приходится обсуждать с чистыми душой людьми, приводят к раскрытию преступления. Не всегда, конечно. Но когда такое случается, то ощущения в душе неописуемые. Как будто светлая часть этого мира победила темную в жесточайшей схватке. А ты был тому помощником.

– Вы Оля Ершова? – спросил Гуров, вставая из-за стола и подходя к девушке.

– Да, – ответил мелодичный голосок. – Мне нужен полковник Гуров.

– Это я. Называйте меня Львом Ивановичем. – Гуров осторожно взял девушку за локоть и провел к стулу напротив своего стола. – Вы никому не рассказали, что идете на встречу со мной в местное управление полиции?

– Нет. – Девушка покачала головой, старательно изучая взглядом лицо собеседника. – А мне вообще-то и рассказывать некому. Все школьные подруги разъехались, а новые – в Самаре. Теперь как-то придется в деканате объясняться за опоздание на занятия. Не представляю, как такое им сказать.

Гуров увидел, как лицо девушки потемнело.

«Наверное, она всю свою жизнь гордилась тем, что ее отец офицер полиции, защитник обиженных, неподкупный страж правопорядка и законности, – подумал Лев Иванович. – А теперь что? Он арестован и находится под следствием по подозрению в убийстве».

– Что же, хорошо, – сказал Гуров. – Я просил вас о встрече, Оля, именно потому, что нам нужно с вами о многом и очень серьезно поговорить. Эта беседа может быть для вас не очень приятной. Все это мерзость и гадость, но разобраться надо, потому что от этого зависит судьба вашего отца.

– Я понимаю. – Оля кивнула, а в ее глазах блеснули первые слезинки.

– Пока не понимаете, – возразил Гуров. – Я хочу добавить, что находился в вашей области с плановой проверкой от ми-

нистерства. Когда узнал о случившемся, решил задержаться, чтобы разобраться во всем. Честно скажу, что мне все это дело очень не понравилось. Нелепо все как-то выглядит со стороны. Так вы готовы к серьезному разговору, целью которого будет только спасение вашего отца?

– Да, конечно. – Оля закивала головой и полезла в сумочку за бумажной салфеткой.

– Хорошо. Тогда скажите мне, вас еще не вызывали к следователю?

– Нет, а должны?

– Если они тянут именно этот мотив преступления, то вызовут обязательно.

– Какой мотив? – не поняла девушка.

– Вы еще, видимо, не знаете, но следственное управление основным мотивом убийства главы администрации, инкриминируемого вашему отцу, считает личную неприязнь.

– Неприязнь? – Оля сразу испугалась. – Но почему? Из-за чего? Какая такая неприязнь, чтобы из-за нее убивать человека. Да они и не были знакомы. Мы с Матюшкой все думали, как свести друг с другом наших отцов, но постоянно откладывали это.

– Я сейчас вам объясню, Оля, о какого рода неприязни идет речь. Обещайте быть со мной искренней, это очень важно, прежде всего для вашего отца.

– Конечно, – заверила его девушка с еще более испуганным видом. – Мне нечего скрывать от вас.

– Следствие полагает, Оля, что ваш отец хотел отомстить отцу Матвея за то, что этот парень вас совратил.

Оля покачнулась на стуле как от удара по щеке. По лицу девушки пронеслась целая буря эмоций – от страха и стыда до обиды и возмущения. Она несколько раз открывала рот, чтобы что-то сказать, но буквально задыхалась. Ее руки теребили, рвали в клочья бумажные салфетки, а по щекам из широко раскрытых глаз сбегали слезинки.

«Бедненькая! – с сожалением подумал Гуров. – Вот за что ей такие испытания? Хорошенькая, миленькая, какая-то домашняя девочка. Теперь она сидит в полиции и выслушивает такие гадости. А ее отец угодил в изолятор по обвинению в убийстве. Конец, вся жизнь под откос!».

Гуров вздохнул, вышел из-за стола, подхватил второй стул и подсел к девушке.

Говорить он старался тихо, спокойно, даже вкрадчиво, чтобы совсем не перепугать ее:

– Оленька, постарайся меня понять. К сожалению, взрослая жизнь иногда бывает такой. Твой папа имеет очень серьезную и сложную работу, это ты тоже должна учитывать. Из общей беды и выпутываться надо вместе. Она ударила не только по вашей семье, но и по всем честным людям. Будем бороться за твоего папу сообща?

Лев Иванович все рассчитал. Он не просто так перешел на «ты», сознательно говорил уже не «отец», а «папа». Ему нужен был полный контакт с этой девочкой. А откуда ему

взяться, если перед ней сидит чужой дядька, который произносит вслух такие жуткие вещи, а отец находится в не менее ужасном положении! Какой уж тут контакт? Не разревелась бы прямо в кабинете эта домашняя девочка, которая с самой большой бедой в жизни, наверное, сталкивалась в детстве, когда испачкала новое платье из-за хулигана, соседского мальчишки.

– Соберись, Оля, – просил Гуров. – Пожалуйста. Мне очень нужна твоя помощь, иначе я не смогу выручить твоего папу. Возьми себя в руки.

– Да, я могу, – с готовностью ответила Оля, шмыгая носом и прикладывая салфетку к глазам. – Я сейчас соберусь.

– Вот и хорошо. – Гуров улыбнулся. – Теперь давай говорить. Я ведь друг твоего отца, хотя лично встречался с ним всего два раза. Я тоже честный человек и не верю в его виновность. Поэтому говори со мной как с другом отца, вашей семьи. Хорошо?

– Хорошо, Лев Иванович. – Оля кивнула, и возле уголков ее нежного ротика появились две жесткие складочки.

«Видимо, характер в девочке все же есть», – решил сыщик.

– Вот и отлично. Тогда скажи мне, Оля, у вас с Матвеем Бурмистровым в самом деле была любовь?

– Почему же была? – кинулась на защиту своего мальчика Оля. – Вы считаете, что после всего этого она должна умереть?

Гуров мягко положил ладонь на локоть девушки.

– Это хорошо, что ты так считаешь, – заверил он. – Так вы любите друг друга? Это у вас серьезно?

– Да, конечно!

– Тогда я еще кое-что спрошу, только ты меня заранее извини, ладно?

Девушка явно догадалась о том, какой это будет вопрос, и вспыхнула, залилась пунцовым цветом от шеи до ушей.

– Вы с ним близки? – строго спросил Гуров. – У вас были интимные отношения?

– Нет, – одними губами ответила Оля и для пущей убедительности замотала головой.

– Вы хотя бы целовались? – Гуров улыбнулся.

– Да, – подтвердила Оля весьма храбро. – Один раз папа нас застал дома, если вас это интересует. Он и в самом деле рассердился немного, даже выпроводил Матюшку.

– Он тебя отругал? Говорил, что тебе еще рано с мальчиками целоваться или что Матвей тебе не пара?

– Вы знаете, мы с ним в тот вечер вообще это не обсуждали. Ходили и дулись друг на друга, а потом постепенно все прошло. Мне даже показалось, что папе стало стыдно. У него был короткий эмоциональный срыв, и он сожалел об этом. Говорят, что родители иногда ревнуют своих детей.

– Вон ты какая взрослая! – похвалил Гуров. – Уже понимаешь, что для одиноких родителей дети – это все, что осталось у них от личной жизни. Они очень беспокоятся, что сын

или дочь уйдет, а дальше только одиночество. Да и то, что ты кого-то будешь любить больше своего отца, его тоже могло в какой-то миг сильно огорчить. Хорошо, что ты это понимаешь, Оля. А как Матвей отнесся к этому инциденту?

– Он… – Оля старалась подбирать слова и на какой-то миг замялась. – Да, он огорчился, конечно, но держался по-мужски. Думаю, что Матюша на моего отца не разозлился, все воспринял как надо. С пониманием.

– Значит, твоему папе не за что было мстить отцу Матвея? Или он все-таки решил, что вы переспали?

Оля снова покраснела, опять мужественно справилась со стыдом и сказала:

– Если бы папа так думал, он не стал бы молчать.

– Ладно, Оля. Я все понял, – задумчиво проговорил Гуров. – Теперь нужно побеседовать с твоим Матвеем. Желательно втроем: я, ты и он.

– Думаю, что такой возможности в ближайшее время у вас не будет. Как и у меня.

– Что-то случилось?

– Нет. Просто Матюшу, по-моему, дома так опекают, что с ним нельзя связаться. Я попыталась два дня назад, но по его мобильному телефону мне ответил злой женский голос. Эта особа сказала, чтобы я забыла этот номер и больше не пыталась звонить. Я, конечно, пробовала, но телефон, кажется, отключили. Я никак не могу поговорить с Матюшкой, а идти к нему домой боюсь. А вы можете мне помочь с ним пооб-

щаться? Вы же из полиции!

– Посмотрим, что тут можно сделать, Оля, – пообещал Гуров. – Я подумаю, попытаюсь узнать, какова атмосфера дома у Бурмистровых. Но ты их тоже не суди строго. У них ведь подготовка к похоронам. В семье страшное горе.

Сегодня Гуров впервые сел ужинать с женщинами. Обычно он приходил очень поздно, перекусывал парой бутербродов и валился спать. Мария, зная характер мужа, не приставала с расспросами, а Аленке наскучило с ним флиртовать. Но сегодня они степенно сели за стол в семь вечера.

– Так что? – не утерпела Аленка. – Заканчиваются твои дела в этом Боброве?

– Не могу сказать, – машинально работая вилкой, ответил Гуров. – Тут точно не знаешь, когда и, главное, чем все закончится.

– Все так плохо? – Аленка театрально всплеснула руками. – Я думала, что у вас дело по-другому происходит. Сыщик берет след и идет по нему, пока не вцепится злодею в горло. А потом торжество правосудия.

– Торжество правосудия, Алена, это шоу, всего лишь нравоучительный спектакль, – рассеянно ответил Гуров. – Гораздо важнее поймать преступника за руку, получить неопровержимые доказательства его вины.

– Кстати, о спектакле, – оживилась Мария. – Мы ведь с Аленой вчера видели тебя в кафе «Восток – Запад».

– Я пыталась уверить Машку, что ты любовницу ждешь. –

Аленка хихикнула. – А ты общался с мужиком…

– Подожди! – довольно резко осадила подругу Мария. – Знаешь, почему я вспомнила об этой встрече? Для тебя ведь она была очень важна, не так ли? Ведь данный человек в твоем розыске является ключевой фигурой, да?

Гуров перестал есть, медленно поднял голову и посмотрел жене в глаза. Обычно Мария в его дела не лезла. Должно было произойти нечто очень важное, чтобы она изменила своим принципам.

– Да, – спокойно ответил он. – Этот человек – единственный свидетель преступления, если не считать самого обвиняемого.

– Поздравляю! – без улыбки сказала Мария. – Он тебя обманывал, о чем бы вы там ни разговаривали.

– Откуда такая уверенность? Ты его знаешь? Алена с ним знакома? Или вы слышали наш разговор.

– Нет, тут все немного сложнее. – Мария отложила вилку, и промокнула губы салфеткой. – Видишь ли, этот человек хотел казаться тебе убедительным, желал, чтобы ты ему верил, и очень качественно играл свою роль. Я это поняла лишь потому, что актриса. Этот человек тоже наверняка имеет профессиональное актерское образование.

Гуров тоже отложил столовые приборы и откинулся на спинку стула, с интересом глядя на жену. Все-таки судьба послала ему в спутницы жизни изумительную женщину. Столько лет вместе, а Маша не переставала его удивлять.

– Ты уверена? – на всякий случай спросил Гуров.

– Конечно, я ведь профессиональная актриса. Видишь ли, игра в кино и в театре – это две очень большие разницы. В кино всегда можно взять крупным планом лицо героя, глаза, скажем, руки, если хотим показать волнение. В кино актеру необязательно говорить громко и четко. К услугам создателей фильма масса специальных средств, включая и последующую озвучку снятых кадров. С помощью этих методов можно добиться любого эффекта. Но театр!

Мария сделала классическую «мхатовскую» паузу, и Гурову показалось, что сейчас ей очень не хватало в руках веера, а в комнате – рояля. Самое время вписать в текст пьесы музыкальную тему. Желательно с романсом.

– Но театр совсем иной, – продолжала Мария. Это условности во всем, включая и саму сцену, и декорации, и актерскую игру. Это иной мир, выдуманный, совсем не похожий на реальный, но в то же время представляющий собой обнаженные чувства человека, его естество, извлеченное наружу мастерством драматурга.

– Я понял, Маша, – мягко вставил Гуров.

– Так вот, приемы театральной игры весьма специфичны. Это сценическая речь, владение технологиями передачи настроения, глубины чувств. Если ты не слышал, то скажу, что кроме системы Станиславского существует еще одна интересная метода, разработанная Михаилом Чеховым.

– Сын? – тут же спросил Гуров. – Или внук?

– Вообще-то племянник, если ты имеешь в виду Антона Павловича Чехова. Не отвлекайся, пожалуйста. Так вот, Станиславский утверждал, что актер, логически разобрав характер персонажа до мельчайших деталей, сознает его страхи, тревоги, стремления, надежды и цели. Актер находит в себе сходные чувства, пробуждает их, усиливает и стремится прожить на сцене.

– Не верю! – с чувством произнес Гуров известную фразу, приписываемую именно Станиславскому.

Мария пропустила ее мимо ушей и продолжила:

– А вот Михаил Александрович Чехов создал так называемую щадящую систему для актеров. Это несколько иная сценическая методика. Если по системе Станиславского актер проживает свою жизнь вместо персонажа, то Михаил Чехов предлагал проживать жизнь чужую. Актер у него превращается в другого человека – в данный персонаж. Почему я тебе это так подробно рассказываю? Потому что хочу, чтобы ты понял суть игры. Желая показать то или иное состояние души человека, театральный актер использует не только голос, но и руки, положение тела. Эта поза усиливает восприятие образа, сущность данного момента. Важны жестикуляция, движения тела, позы. Все это и демонстрировал перед тобой этот человек в кафе. Он, конечно, не вскакивал со стула и не бегал по помещению, но жестикуляция, мимика, все, что можно было показать сидя, этот субъект прекрасно сыграл.

– Ты уверена? – вздохнув, спросил Гуров. – Для меня крайне важно твое мнение. Мне ведь придется опираться на него при всех своих действиях.

– Если бы не была уверена, то не говорила бы. Выясни, и ты убедишься, что у него актерское образование. Сочетание эмоций в голосе, мимики, движения рук, поз. И, главное, ни одной ошибки.

– Хорошо. Я это обязательно сделаю. Но если ты права, тогда этот человек преступник.

– Это уже твоя забота, сыщик. – Мария засмеялась.

Тут ожил мобильный телефон полковника. Гуров дотянулся до аппарата, лежавшего на краю стола, и посмотрел на номер. Звонил Седов.

– Слушаю, Алексей.

– Лев Иванович, надо встретиться. По телефону не хочу рассказывать.

– Хорошо, приезжай.

Седов, оказывается, звонил уже из машины, сидя в ней около дома Алены. Кажется, капитан быстро набирался опыта, а заодно изучал Гурова. Сейчас он был уверен в том, что полковник не станет ждать доклада до завтра. А еще Гуров не любил мешать служебное и личное, терпеть не мог, чтобы деловые разговоры велись дома.

Он спустился к машине и уселся рядом с Седовым.

– Скажу сразу, чтобы вы поняли ситуацию с этим Корнейчуком, – возбужденно проговорил Седов. – Мужиков в этом

гаражном кооперативе, которые лично знали Корнейчука, не удивило, что его убили. Грубо говоря, сколько веревочке ни виться, а конец все равно будет.

– Мысль, Леша, сама по себе не оригинальная, – строго ответил Гуров. – Я хочу тебе сразу напомнить, что, говоря даже о людях никчемных, совершенно гадких, ты не должен опускаться до их уровня. Они тоже были детьми и не всегда виноваты в том, что стали такими вот, какими мы их видим. Не опускайся до цинизма, Леша. Надо уметь презирать в людях преступное и грязное, уважать то, чем они могли бы стать. Кто знает, мимо скольких детей мы проходим с тобой сегодня и не замечаем их. Они из-за нашей невнимательности скатываются в это грязное преступное сообщество.

– Странный вы человек, Лев Иванович! – Седов покачал головой. – Сколько дней уже с вами общаюсь, а все не перестаю удивляться. Вот уж не думал, что вы настолько эмоциональны, что соболезнуете непрожитой жизни других людей.

– Не так, – возразил Гуров. – Я соболезную тому, что жизнь у них не удалась. Ладно, хватит! Давай-ка по существу.

– Так вот, по мнению тех людей, которые хорошо знали Корнейчука, он был самым настоящим прохиндеем, всегда что-то продавал, на чем-то зарабатывал. С тех пор как оставил службу в армии, где был, естественно, прапорщиком, этот бизнесмен промышлял в основном цветными металлами. У него не гараж, а целый склад. Он набивал его до пре-

дела, потом приезжала машина и все забирала.

– А в тот день, когда его нашли мертвым?..

– Он собрался поздно вечером отправиться куда-то по этим делам. Прямо не говорил, но намекал. Куда, никто точно не знает. Это ведь в их кругах коммерческая тайна.

– Странно, что Корнейчука убили не там, где он воровал цветные металлы.

– Но и не возле гаражей. Все знают, что мотоцикл с телом подогнали туда и оставили. Мужики это поняли, когда там еще работала оперативно-следственная группа. Да и выстрела никто не слышал. Хотя ствол мог быть с глушителем.

– Думаешь, дележка добычи? – с сомнением спросил Гуров. – Что-то я раньше не слышал о таких разборках из-за цветных металлов. Ладно, если объемы грандиозные, делят целый регион, а тут-то!.. Ладно, Леша, я попробую поднять материалы следствия по делу убийства Корнейчука. Значит, мужики в гаражах не имеют никакого представления о том, где и за что могли убить Корнейчука?

– Ни малейшего!

– Ладно, отдыхай. Завтра утром встречаемся у Рогозина в кабинете.

В кабинете Рогозина кроме самого подполковника, Седова и Гурова был еще один человек, тот самый оперативник, который работал по делу Корнейчука. Гуров еще вечером попросил разыскать его и пригласить. Он полагал, что материалы уголовного дела Рогозин так быстро достать не успе-

ет, если вообще их получит без предварительной и обоснованной заявки.

Оперативник, парень лет двадцати пяти, исподлобья смотрел на Гурова с Рогозиным и все время пытался огрызаться. Создавалось ощущение, что он только и ждет повода, чтобы крикнуть: «Не нравится? Могу хоть сейчас рапорт написать! Нужна мне эта ваша работа!»

– Вспомните, пожалуйста, все обстоятельства осмотра тела. Какие основания были полагать, что Корнейчук убит в другом месте, а к гаражам доставлен потом? – вежливо, но жестко спросил Гуров.

– Я же говорю, у него потек крови из раны по одежде шел от сердца к левому боку. Рубашка и куртка там насквозь пропитались кровью. А в мотоциклетной коляске, где он сидел, крови совсем не было. Вот мы и сделали тогда вывод, что его мертвого в коляску положили, да и то не сразу.

– Каков был характер ранения?

– Пулевое, это точно. Судмедэксперт определил сразу. Выстрел был сделан с близкого расстояния, ствол почти прижимался к груди. Там ткань обгорела, имелись видимые следы частичек пороха.

– О времени совершения преступления выводы на месте смогли сделать?

– Не более двух часов. Мы тогда еще по карте лазили, прикидывали. Получилось примерно час на то, что труп где-то лежал, и столько же на его доставку в Лыково, к гаражному

кооперативу.

Гуров подошел к оперативнику и спросил, заглядывая в глаза:

– А почему, собственно, час лежал и столько же везли? Разве это время не могло быть иным? Полтора часа лежал и полчаса везли? Час сорок пять и пятнадцать минут?

– Могло, конечно. Просто мы исходили из максимального расстояния от точки совершения преступления. Были мысли и такого рода, что его застрелили за углом и перекатили на мотоцикле к гаражам. Дело в том, что никто ведь и звука мотоциклетного двигателя не слышал, не только выстрела.

– Подворный обход делали? – спросил Рогозин.

– Я уже не участвовал, на место выезжал как дежурный. Утром отчитался шефу и передал дело другому. Слышал на планерке, что отправляли оперативный состав и участковых по квартирам и гаражам.

Оперативника отпустили. Гуров подошел к Рогозину, и они выразительно посмотрели друг на друга.

«Видимо, они о чем-то одновременно догадались. Интересно!» – подумал Седов.

Капитан почувствовал вкус к оперативной работе, но серьезных навыков еще не имел. Мышление настоящего сыщика у него не сформировалось. Тут нужны годы и годы! Седов еле сдержался, чтобы не поторопить старших товарищей.

– Вы поняли? – первым спросил Гуров Рогозина.

– Да? – почти обрадованно ответил подполковник. –

Практически одно и то же. Но сравнить досконально не можем, потому что запрос нужен. Тогда все сразу догадаются. Спугнем!

– То-то и оно, – со злостью сказал Гуров.

– А меня посвятите? – тихонько подал голос Седов.

– Характер ранения в обоих случаях одинаков, – резко обернувшись, бросил Гуров. – Понимаешь, и там, и там стреляли одинаково: почти уперев ствол пистолета в грудь. Нам теперь результаты вскрытия нужны, сравнительные заключения баллистиков и трассологов.

– Так!.. – догадался Седов, – Бурмистрова убили прямо возле ангаров. Тело Корнейчука обнаружили в Лыково, в пяти километрах от того места в поле, где стоят эти постройки. Может, он туда и ездил за цветным металлом?

– Тихо! – Гуров прижал палец к губам. – Не спугни!

– Видите ли, Алексей, – решил объяснить Рогозин. – За уши притянуть можно многое, но не стоит этого делать. Если вы хотите сказать, что Бурмистров и Корнейчук погибли при схожих обстоятельствах, в одном и том же зловещем месте, то вспомните о социальном статусе обоих. Небо и земля! Все ваши гипотезы рассыплются как песочные замки. Это как предположить, что миллиардера и бомжа убил один и тот же киллер. С одной и той же целью. Где миллиардер, а где бомж?!

– Если только этот киллер не застрелил бомжа потому, что тот был свидетелем преступления и видел убийцу в лицо, –

возразил Седов.

– Я же говорю, что он талантливый парень. – Гуров рассмеялся. – А? Каков?

– Так я и говорю, что нужно с этими ангарами разобраться. – Седов расправил плечи. – Может, там, к примеру, перевалочная база наркотрафика?

– Ну-ну! – строго сказал Гуров. – Ты палку-то не перегибай. И еще учти, что в нашем случае нельзя афишировать интерес к этому делу. Для обыска в ангарах нам нужно запастись очень серьезными документами. А оснований пока никаких, если быть честным перед самим собой. Поэтому работать нужно осторожно, подходить к вопросу с разных сторон. А сколько у нас их в этом деле?

– Во-первых, это поле с ангарами, которое когда-то незаконно отвели под частный аэродром, хотя территория была природоохранная, – начал Седов. – Кому-то это было выгодно. Во-вторых, экологи никак эти места назад не вернут. Значит, кто-то до сих пор этого не допускает. В-третьих, этими землями заинтересовались строители, но и у них оттяпать территорию под коттеджную застройку никак не получается. Вот я и говорю, что никто эти ангары не может с места сдвинуть, потому что за ними стоят люди с большим весом.

– Необязательно люди с большим весом, – возразил Гуров. – Тут вполне могут быть замешаны просто очень солидные деньги. Не замыкайся ты на этих ангарах, на хорошо видимом! Причина никогда не лежит на поверхности. Хотя от-

рабатывать фирму, владеющую ангарами, мы все равно обязаны. Это я возьму на себя. Но ответы, которые я получу, никак не прольют света на причину убийства Бурмистрова. Еще сложнее привязать к этому гибель Корнейчука. Мы можем предположить, что убиты они одним и тем же человеком. Почерк тот самый. Но вот зацепок у нас пока нет. Ни одной. – Гуров замолчал, увидев, что Рогозину кто-то позвонил.

Подполковник выслушал чей-то доклад, потом коротко приказал что-то принести ему в кабинет.

Он с торжеством посмотрел на присутствующих и заявил:

– Я бы не стал убежденно говорить, Лев Иванович, что зацепок нет ни одной.

– Разрешите? – В дверях вырос молодой человек с короткой стрижкой и мощным подбородком. – Товарищ подполковник…

– Давай-давай, – перебил визитера Рогозин.

Молодой человек окинул присутствующих внимательным профессиональным взглядом, прошел через весь кабинет и протянул Рогозину тонкую пластиковую папку. Повинуясь молчаливому знаку, он повернулся и вышел.

Рогозин раскрыл папку и стал читать тоном лектора общества «Знание», некогда весьма популярного:

– Коновалов Егор Владимирович, шестьдесят восьмого года рождения, уроженец города Саратова. Окончил лицей номер три, поступил на театральный факультет Саратовской

консерватории. – Рогозин мельком бросил взгляд в сторону Гурова и снова продолжил читать: – В восемьдесят девятом году, на четвертом курсе, бросил учебу и уехал в Самару, где поступил на юридический факультет университета. Окончил его в девяносто четвертом гору. Работал в коммерческих структурах, перечень прилагается. Ага, в две тысячи четвертом году перешел на работу в администрацию Бобровского муниципального района на должность юриста. С две тысячи шестого – начальник юридического отдела.

– Молодец! – похвалил Гуров и осведомился. – По каким каналам вы раздобыли это досье?

– Просто отправил одного надежного оперативника в кадры администрации. Мы придумали кое-какой повод, чтобы не составлять официального запроса, а в личных делах порыться. Вот он и сделал несколько фотографий с автобиографии Коновалова. Собственноручное, надо заметить, описание жизни.

– Значит, у него за плечами четыре курса театрального факультета, – задумчиво сказал Гуров. – Любопытно.

– Тогда времена такие были, – не понимая причин радости старших товарищей, сказал Седов. – Перестройка, капитализм, кризис. Кто-то вовремя подсказал парню, что актеры еще не скоро понадобятся стране, и зарплаты у них вряд ли завтра станут приличными, а вот юристы!..

– Зарплата у актеров и сейчас не ахти какая, – заметил Гуров. – Чтобы заработать, там тоже нужно крутиться как

следует. Тут дело в другом. Жена видела мою встречу с этим Коноваловым. Она заявила, что он играл передо мной. По ее мнению, у него актерское образование, и верить в его искренность было нельзя.

– Вот оно что! – наконец-то понял Седов. – А я все думаю, что это вы так про него! Значит, главному свидетелю преступления нельзя верить? Это в корне меняет ситуацию. Получается, что на самом деле все могло произойти совсем по-другому, да? Я имею в виду убийство Бурмистрова.

– Не факт, – возразил Гуров. – Ясно, что он не был со мной неискренним. Да, что есть основания ему не во всем верить. Для остального нужны веские улики. Запомни это, Леша. В нашей работе именно они все решают.

Глава 6

Гуров очень долго ломал голову, но так и не придумал, под каким видом сможет попасть внутрь этих злополучных ангаров. Он несколько кривил душой, когда говорил Седову, что сами ангары не могут дать ответы на все вопросы. На самом деле сыщик очень хотел закрыть эту проблему и больше к ней не возвращаться.

Почему из-за этой земли идет настоящая война? Лучше сейчас, в самом начале, определиться с причинами этих трагических событий. Лев Иванович считал, что ни один участник конфликта пока не мог перетянуть одеяло на себя. Но не из-за земли же убили главу района!

Значит, надо убедиться, что земельная проблема не является причиной убийства Бурмистрова, выяснить, какова там ситуация, закрыть вопрос и начать искать преступника в другом месте. У полковника давно уже возникло такое ощущение, что кто-то умышленно подсовывал ему эти дурацкие пустые ангары, которые красовались посреди поля как бельмо на глазу.

Сегодня он шел в офис ООО «Альтернатива» по предварительной договоренности с ее руководителем, назвавшимся Вадимом Алексеевичем. Для этого Гурову пришлось поработать над собой перед зеркалом. Он примерил несколько взглядов, улыбочек, которые соответствовали бы его статусу

предпринимателя, пусть и не очень крупного, но имеющего поддержку в местном правительстве.

На улице Авроры, в районе строительных рынков, он разыскал неприметный пятиэтажный дом. Весь первый этаж в нем давно был выкуплен у жильцов и переведен в нежилой фонд. Чего только тут не было: и парикмахерский салон, и «Ремонт компьютеров», и «Цветы».

Полковник наконец-то нашел вывеску агентства недвижимости «Альтернатива» и посмотрел на окна. Видимо, в помещениях, где располагается эта фирма, их три. Значит, кухня и две комнаты бывшей квартиры. Может, и три комнаты, если одно окно выходит во двор. Многовато для обычного агентства недвижимости. Незачем им иметь такое количество комнат. Да и статус общества с ограниченной ответственностью такому агентству ни к чему. Вполне хватит какого-нибудь ИП.

Директор встретил Гурова в самой дальней комнате. Молодой, нет и сорока лет. Волосы светлые, и от этого кажется, что они у него редкие. Глаза расставлены далеко. Возникает впечатление, что собеседник смотрит не в глаза, а куда-то сквозь тебя.

Гуров понимал, что это всего лишь психологические нюансы, но никак не мог избавиться от ощущения, что кабинет директора какой-то нежилой. Здесь не кипит работа руководителя, в этой комнате неделями никого не бывает. Как и в ангарах, которые стоят неподалеку от села Лыково и принад-

лежат этому вот ООО «Альтернатива».

Вадим Алексеевич протянул руку с тонкими пальцами и без улыбки предложил Гурову садиться.

– Я слушаю вас? – произнес он бесцветным голосом.

Гуров подумал, что, будь он бизнесменом и окажись вот в такой ситуации, сразу понял бы, что тут ничего не выгорит. Его выслушают лишь из приличия, но все равно откажут. Однако роль играть нужно до конца.

– У меня к вам предложение, – небрежно сказал Гуров. – Мне нужны ваши ангары, которые, как я понимаю, все равно стоят без дела.

– Они не продаются, – так же бесцветно ответил директор, глядя куда-то в ту сторону, где сидел Гуров, но не на него.

– Хорошо, а в долю хотите? У меня серьезная поддержка в правительстве области, а в партнерах люди из Германии. Мы планируем открыть пилотажную школу на немецких «Экстра-300». Вы, я имею в виду вашу фирму, тоже ведь намеревались тут сделать спортивный аэродром, не так ли?

– Не советую. Лучше поищите другое место под свою школу.

– Почему?

– Рельеф сложный, много работ по подготовке площадки, близкое залегание грунтовых вод. Слишком большие расходы.

– Ну, знаете!.. – Гуров расплылся в многозначительной улыбке. – Современные технологии позволяют готовить пло-

щадки для спортивных легких самолетов практически где угодно.

– Мне это неинтересно. – Вадим Алексеевич пожал плечами. – Ангары я продавать не буду. Есть у меня на них виды в неопределенном будущем. Так зачем же я буду себе сейчас яму рыть?

Еще минут десять Гуров делал солидное лицо и пытался соблазнить директора выгодными проектами. Больше времени терять тут не стоило, иначе этот человек заподозрит неладное. Если уже не насторожился. Сыщику пришлось откланиваться с соответствующим выражением лица. Мол, не хотите, ваше дело. В выигрыше все равно останусь я, но без вас. У Гурова имелся еще один шанс, который он намеревался использовать.

Через час он входил в двери здания, расположенного в другой части города. Здесь, в частном охранном предприятии «Барьер», общение пошло по иной схеме. Гурова сразу окружили трое мужчин. Один с широкими плечами и мощной шеей. Он представился заместителем директора и сразу спросил о предложениях по охране объектов. Второй, больше молчавший, худощавый и высокий, оказался специалистом по подготовке и сертифицированию охранников. Третий, собственно директор, имел интеллигентный вид, усы с бородкой и насмешливый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.